

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по научным специальностям: 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), с 01.11.2022 г.; 5.2.4 – Финансы (экономические науки), с 01.02.2022 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 30. № 4.
Апрель 2023 г.**

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Алексей Ведев – д-р экон. наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вячеслав Моргунов – д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Глинский – д-р экон. наук, профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Сергей Дробышевский – д-р экон. наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Анна Золотарева – канд. юрид. наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Павел Кадочников – канд. экон. наук, заместитель министра финансов Российской Федерации

Александр Погорлецкий – д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Александр Радыгин – д-р экон. наук, профессор, председатель Ученого совета, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Сергей Синельников-Мурылев – д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Ирина Стародубровская – канд. экон. наук, руководитель Научного направления «Политическая экономика и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2023

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is included in the list of peer-reviewed VAK scientific publications in scientific specialties: 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), from 01.11.2022; 5.2.4 – Finance (economic sciences), from 01.02.2022

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 30. No. 4.
April 2023**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Aleksey Vedev – Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Vyacheslav Morgunov – Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Vladimir Glinский – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM-NINH)

Sergey Drobyshevsky – Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Anna Zolotareva – Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Gaidar Institute for Economic Policy

Pavel Kadochnikov – Candidate of Economic Sciences, Deputy Finance Minister of the Russian Federation

Alexander Pogorletskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of World Economy, Department of Economics, St. Petersburg State University

Alexander Radygin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Scientific Council, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Gaidar Institute for Economic Policy

Sergey Sinelnikov-Murylev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Irina Starodubrovskaya – Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Development, 2023

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Федеральный бюджет: итоги 2022 г. и перспективы на 2023 г. Соколов И. А., Казакова Ю. Е.	4
---	---

Динамика товарооборота России с основными партнерами в 2022 г. Фиранчук А. С., Кнобель А. Ю.	8
---	---

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Разрыв выпуска в российской экономике: оценка на основе многомерного фильтра МВФ. Шарафутдинов А. Р.	15
--	----

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика промышленного производства в четвертом квартале 2022 г. Каукин А. С., Миллер Е. М.	24
--	----

Выбор стратегии развития предприятия энергомашиностроительной отрасли с учетом политики государства и интересов стейкхолдеров. Овчинникова Ю. А.	29
---	----

Хозяйственное обозрение (январь–апрель 2023 г.). Аукуционек С. П., Егоров А. С., Баширова И. А., Сержантова Т. В.	36
--	----

АГРОСЕКТОР

Перспективы российского сельскохозяйственного комплекса в условиях санкций. Кабанова Е. Е.	44
--	----

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

Ипотечное кредитование в 2022 г. Зубов С. А.	53
---	----

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Законодательное ограничение размера скидки цены на нефть марки Urals к марке Brent. Каукин А. С., Миллер Е. М.	57
--	----

РЕГИОНЫ

Региональные бюджеты в 2022 г. Дерюгин А. Н.	61
---	----

Contents

MACROECONOMICS

Federal Budget: 2022 Outcomes and 2023 Prospects.

Sokolov I. A., Kazakova J. E. 4

Dynamics of Trade Turnover between Russia and Its Main Partners in 2022.

Knobel A. Yu., Firanchuk A. S. 8

ECONOMETRIC MODELING

Output Gap in Russian Economy: Estimate Based on the IMF's Multivariate Filter.

Sharafutdinov A. R. 15

INDUSTRY

Industrial Production Dynamics in Q4 2022.

Kaukin A. S., Miller E. M. 24

Choosing a Development Strategy for an Enterprise in the Power Engineering Industry, Taking into Account the Policy of the State and the Interests of Stakeholders.

Ovchinnikova Yu. A. 29

Survey of Current Business (January–April 2023).

Aukutsionek S. P., Yegorov A. S., Bachirova I. A., Serzhantova T. V. 36

AGROSECTOR

Prospects of the Russian Agricultural Complex in the Conditions of Sanctions.

Kabanova E. E. 44

FINANCIAL SECTOR

Mortgage Lending in 2022.

Zubov S. A. 53

TAXATION

Legislative Cap on Urals Oil Price Discount to Brent Oil.

Kaukin A. S., Miller E. M. 57

REGIONS

Regional Budgets in 2022.

Deryugin A. N. 61

Макроэкономика

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ: ИТОГИ 2022 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2023 г.

И. А. СОКОЛОВ
Ю. Е. КАЗАКОВА

Макроэкономические и геополитические условия 2022 г. не оказали существенного негативного влияния на федеральный бюджет. В частности, на фоне вынужденного наращивания государственных расходов дефицит федерального бюджета по итогам 2022 г. не превысил 2,2% ВВП, что почти вдвое ниже уровня кризисного 2020 г. Ключевыми факторами относительно благополучного состояния бюджета по протяжении всего года оставались высокие нефтегазовые доходы, а также стабильность поступлений от внутреннего НДС. Несмотря на возрастающее санкционное давление, действие данных факторов в целом сохранится и в 2023 г., что даже при незначительной бюджетной консолидации (в пределах 10% от запланированных непроцентных расходов) способно обеспечить нулевой первичный дефицит.

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы, нефтегазовые доходы, ненафтегазовые доходы, расходы, налоги.

JEL: H11, H50, H62, H63.

Доходы федерального бюджета в 2022 г. составили 27,8 трлн руб., что на 11,2% выше первоначально утвержденных объемов¹. В долях ВВП доходы федерального бюджета в 2022 г. относительно уровня 2021 г. сократились на 0,4 п.п. ВВП — до 18,3% ВВП, в реальном выражении — на 1,7%. (См. таблицу.)

Доля нефтегазовых поступлений в общем объеме доходов федерального бюджета в 2022 г. составила 41,6% против 35,8% в 2021 г. По итогам 2022 г. нефтегазовые доходы федерального бюджета превысили как уровень 2021 г. на 0,9 п.п. ВВП, так и прогнозные ожидания, заложенные в Закон о бюджете (в первоначальной редакции), на 2,0 трлн руб. С учетом 10%-ного роста средней цены нефти и укрепления курса рубля по отношению к доллару в 2022 г. относительно 2021 г. на 7,2% можно утверждать, что России удалось частично пере-

ориентировать экспорт сырой нефти в Китай, Индию и Турцию. В противном случае нефтегазовые поступления в федеральный бюджет от экспортных пошлин были бы скромнее.

Однако с декабря 2022 г. начали действовать западные санкции на поставки российской нефти, включая установление «ценового потолка», в результате чего цена нефти марки Urals существенно снизилась, составив в декабре 50,5 долл./барр. Можно предположить, что, если между ценами российской нефти марки Urals и международной марки Brent сохранится подобная значительная разница в течение 2023 г.², доходы бюджета будут оставаться под довольно сильным давлением: нефтегазовые доходы при сохранении текущих условий торговли и курса рубля на протяжении всего года, по нашим оценкам, не превысят 9,0 трлн руб.³.

Соколов Илья Александрович, заведующий лабораторией исследований бюджетной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: sokolov-ia@ranepa.ru; Казакова Юлия Евгеньевна, научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Москва), e-mail: j_kazakova@mail.ru

¹ Федеральный закон от 06.12.2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 годов» (первоначальная редакция).

² По данным Минфина России, средняя цена на нефть марки Urals в январе-марте 2023 г. сложилась в размере 48,92 долл./барр.

³ С учетом акциза на нефтяное сырье, а также демпфирующей и инвестиционной надбавок.

составить порядка 26,4 трлн руб., т.е. на 0,3 трлн руб. превысит величину поступлений, предусмотренную в Законе о федеральном бюджете на 2023 г. (26,1 трлн руб.).

Объем расходов федерального бюджета в 2022 г. составил 31,1 трлн руб., или 20,5% ВВП, что на 6,3 трлн руб. больше объемов предыдущего года. В реальном выражении и в долях ВВП прирост также был положительным и довольно существенным. (См. таблицу.) Фактическое исполнение по итогам 2022 г. превысило прогнозные ожидания на 7 трлн руб.

Наибольшее отклонение фактических расходов федерального бюджета от первоначально утвержденных отмечается по разделам «Социальная политика», «Национальная оборона» и «Национальная экономика» — на 3,0, 1,9 и 1,3 трлн руб. соответственно, что связано с проведением СВО, расширением мер социальной поддержки отдельных категорий граждан и поддержкой бизнеса. По другим разделам фактические бюджетные ассигнования изменились в номинальном выражении относительно изначально утвержденных объемов менее значительно.

В реальном выражении «лидерами» по приросту расходов стали «Национальная оборона» (37,8%), «Жилищно-коммунальное хозяйство» (37,0%), «Культура, кинематография» (30,1%) и «Социальная политика» (20,1%), тогда как сокращение расходов наблюдалось только по разделам «Охрана окружающей среды» (-31,9%) и «Национальная экономика» (-3,9%).

Объем расходов по закрытым статьям федерального бюджета в 2022 г. увеличился до максимального за весь период с 2019 г. значения в 6,0 трлн руб., или 3,9% ВВП. Как следствие, увеличилась и доля закрытых расходов в общем объеме расходной части федерального бюджета — до 19,2% против 15,1% в 2021 г.

Особенностью кассового исполнения федерального бюджета стал беспрецедентный объем расходов в декабре 2022 г., который составил почти 7 трлн руб., или 22,5% от годового объема (по сравнению со средним уров-

нем в 17% в предыдущие несколько лет). Отчасти это связано с переносом на 2022 г. отдельных расходов, возникших в ходе рассмотрения в Госдуме законопроекта о федеральном бюджете на 2023–2025 гг., т.е. со своего рода досрочным финансированием, чего ранее в практике кассового исполнения федерального бюджета не наблюдалось.

На 2023 г. Законом о федеральном бюджете запланированы расходы на уровне 29 трлн руб., при этом исполнение за январь–март 2023 г. уже составило порядка 8,1 трлн руб. (почти 28% от годового объема). С учетом уже набранных темпов кассового исполнения, а также достигнутого в прошлом году уровня расходов (ограничение годовых расходов в размере 29 трлн руб. означает в реальном выражении как минимум 10%-ную консолидацию по отношению к 2022 г.) и динамики инфляции (по нашим оценкам, она может превысить учтенные в Законе о бюджете темпы роста цен в 5,5% на 1–2 п.п.) есть основания полагать, что фактические расходы федерального бюджета по итогам текущего года превысят 30,5 трлн руб.

Дефицит федерального бюджета в 2022 г. составил 3,3 трлн руб., или 2,2% ВВП, однако если не учитывать средства, которые были компенсированы государственным внебюджетным фондом в результате предоставления отсрочки по страховым взносам и в 2023 г. будут возвращены в ФНБ, то дефицит бюджета составил порядка 1,8% ВВП. За счет привлечения ценных бумаг было покрыто примерно 1,5 трлн руб. дефицита, остаток был профинансирован преимущественно за счет ФНБ. В результате объем государственного внутреннего долга по итогам 2022 г. увеличился до 18,8 трлн руб. (12,4% ВВП), а объем ФНБ сократился с 13,6 до 10,4 трлн руб., т.е. почти на четверть.

Как указывалось выше, в 2023 г. следует ожидать разнонаправленную динамику доходов и расходов федерального бюджета по сравнению с параметрами Закона о федеральном бюджете, в результате чего бюджетный

дефицит за год может составить более 4 трлн руб., или 2,5% ВВП.

В целом, учитывая уровень государственного долга, размер суверенных активов в ФНБ и динамику основных параметров бюджетной системы Российской Федерации, следует признать, что Минфину России в 2022 г. удалось относительно безболезненно купировать бюджетные риски, в том числе за счет

использования ранее созданных резервов. Однако по мере снижения поступлений нефтегазовых доходов данная стратегия может быть эффективной только в краткосрочной перспективе, а потому для обеспечения долгосрочной стабильности федерального бюджета потребуются задействовать иные механизмы, в том числе бюджетной консолидации. ■

Federal Budget: 2022 Outcomes and 2023 Prospects

Ilya A. Sokolov – Head of Budget Policy Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sokolov@iep.ru

Julia E. Kazakova – Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia). E-mail: j_kazakova@mail.ru

Macroeconomic and geopolitical atmosphere of 2022 did not have a significant negative impact on the federal budget. In particular, the federal budget deficit at 2022 year-end did not exceed 2.2% of GDP amid the forced increase in government spending, which is almost twice lower than the crisis year of 2020. The key factors of a relatively favorable budget throughout the year remained high oil and gas revenues, as well as the stability of domestic VAT revenues. Despite the growing sanctions pressure, the effect of these factors will generally remain in 2023, which is able to ensure a zero primary deficit even with a slight fiscal consolidation (within 10% of the planned non-interest expenditures).

Key words: federal budget, revenue, oil and gas revenues, non-oil and gas revenues, expenditure, taxes.

JEL-codes: H11, H50, H62, H63.

ДИНАМИКА ТОВАРООБОРОТА РОССИИ С ОСНОВНЫМИ ПАРТНЕРАМИ В 2022 г.

А. Ю. КНОБЕЛЬ
А. С. ФИРАНЧУК

Товарооборот России в 2022 г. составил 850,5 млрд долл., а его профицит вырос до 332,4 млрд долл. Экспорт достиг рекордного значения в 591,5 млрд долл. (+19,9%) за счет увеличения вывоза минерального топлива до 383,7 млрд долл. (+42,8%), которое перекрыло снижение экспорта прочих товаров (-7,4%). Доля минерального топлива подскочила до 64,9% (+10,4 п.п.). Импорт составил 259,1 млрд долл. (-11,7% за год, а по итогам второго полугодия он сократился на 8,0%).

Во втором полугодии доля нейтральных стран в экспорте и импорте возросла до 63,6% (+19,7 п.п.) и 74,6% (+24,8 п.п.) соответственно. В конце 2022 г. импорт стабилизировался на новых уровнях: произошло шести-семикратное снижение поставок из Великобритании и США и полутора-двукратное — из других основных «недружественных» стран; сильнее всего нарастили поставки на российский рынок географически близкие нейтральные Турция и Казахстан.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, «недружественные» страны, нейтральные страны, санкции.

JEL: F10, F14.

Динамика товарооборота¹

Экспорт России в 2022 г. достиг рекордного значения в 591,5 млрд долл., увеличившись за год на 19,9%. Определяющим при этом стал рост вывоза минерального топлива (группа 27) на 42,8% (до 383,7 млрд долл.), который перекрыл снижение экспорта прочих товаров на 7,4% (до 207,7 млрд долл.). В результате доля минерального топлива в стоимостных объемах вывоза подскочила до 64,9% (+10,4 п.п.). Санкционные ограничения и перенаправление российского экспорта привели к значительному расхождению динамики поставок на «недружественные» рынки² и рынки нейтральных стран³. (См. рис. 1.)

Экспорт в «недружественные» страны в начале 2022 г. значительно превышал уровень предыдущего года, что было вызвано рекордно высокими ценами на энергоносители, в первую очередь на природный газ в Европе.

Последующая нормализация цен и сокращение поставок из-за санкционных ограничений привели с марта к ярко выраженному понижательному тренду. К декабрю стоимостные объемы поставок на «недружественные» рынки упали относительно предыдущего года в два раза — до 14,6 млрд долл., рекордно низкого значения для этого месяца за десятилетие.

Экспорт в нейтральные страны, наоборот, в течение года был относительно стабилен, превышая уровни 2021 г. на 20–60%. Умеренное снижение темпов его роста в февралемарте было связано с эффектом базы — увеличением экспорта в начале 2021 г. Рост поставок в апреле-июне объяснялся начавшимся перенаправлением российского экспорта на нейтральные рынки. Дальнейшая динамика определялась взаимным наложением двух факторов — продолжающегося процесса перенаправления поставок в нейтральные страны и

Кнобель Александр Юрьевич, заведующий лабораторией международной торговли Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России, канд. экон. наук (Москва), e-mail: knobel@ier.ru; *Фиранчук Александр Сергеевич*, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, PhD in Economics (Москва), e-mail: firanchuk@ranepa.ru

¹ Статистика ФТС доступна только по годовым объемам экспорта и импорта, помесечная динамика оценивалась по зеркальной статистике основных торговых партнеров.

² Оценка авторов по статистике ЕС, Японии, США, Великобритании, ЕАСТ (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария) и Южной Кореи.

³ По статистике Китая, Индии, Турции, Казахстана и Бразилии.

корректировки цен на глобальных сырьевых рынках, в первую очередь топливно-энергетических, относительно пиковых значений второго квартала⁴.

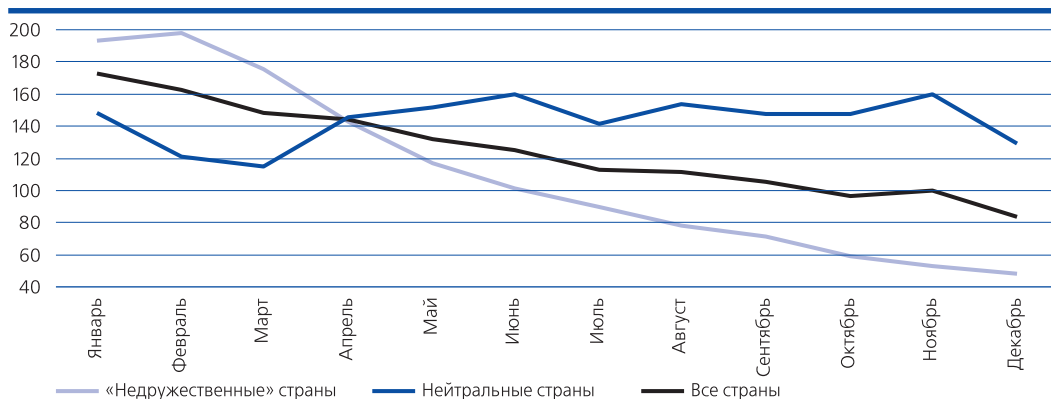
Импорт России в 2022 г. составил 259,1 млрд долл., сократившись за год на 11,7%; по итогам более стабильного второго полугодия снижение составило 8,0%. За 2022 г. уменьшились объемы ввоза из «недружественных» стран на 47% (до 80,2 млрд долл.), что в значительной мере было компенсировано возросшими на 26% поставками с нейтральных рынков (до 179,0 млрд долл.).

Переориентация импортных потоков на поставщиков из нейтральных стран произошла летом 2022 г. (См. рис. 2.) Если в феврале-апреле наблюдался синхронный обвал поставок из «недружественных» и нейтральных стран, вызванный волатильностью курса и санкционными ограничениями, повлекшими за собой нарушения логистики и транзакционных механизмов для практически всех импортеров, то дальнейшая динамика импорта

была различной. Во втором полугодии поставки из «недружественных» стран стабилизировались на уровне вдвое ниже объемов предыдущего года (36,6 млрд долл. против 78,8 млрд долл. за аналогичный период 2021 г.), а ввоз товаров из нейтральных стран оказался в полтора раза выше (107,7 млрд долл. против 78,1 млрд долл.). В результате доля «недружественных» стран в стоимостных объемах импорта в 2022 г. упала до 30,9% (-21,0 п.п.) и во втором полугодии составила всего 25,4%.

Рост поставок из нейтральных стран был вызван не только снижением конкуренции на российском рынке из-за ухода с него западных компаний, но и значительным укреплением курса рубля, который является одним из важнейших детерминантов краткосрочной динамики импорта⁵. Таким образом, объемы импорта из нейтральных стран в середине 2022 г. поддерживались высокой покупательной способностью рубля относительно предыдущих лет, а возвращение курса к уровню 2021 г., произошедшее в декабре 2022 – феврале 2023 г.,

Рис. 1. Оценка динамики стоимостных объемов экспорта в «недружественные» и нейтральные страны в 2022 г., в % к аналогичному месяцу 2021 г.

Примечание. В 2021 г. на рассмотренные страны пришлось 95% экспорта в «недружественные» страны и 59% – в нейтральные. Значение по «всем странам» рассчитано с учетом первоначальных долей этих стран в российском экспорте, с нормировкой на данные ФТС по совокупному экспорту за 2022 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных статистики торговых партнеров. (См. приложение.)

⁴ По данным Всемирного банка, индекс цен на большинстве сырьевых рынках был максимальным во втором квартале 2022 г. – топливном (июнь), зерновом (май), удобрений (апрель), металлов (март) – с последующим снижением к концу года.

⁵ См.: Bussiere Matthieu, Guillaume Gaulier, and Walter Steingress. Global trade flows: Revisiting the exchange rate elasticities // Open Economies Review. 2020. Vol. 31. No. 1. Pp. 25–78.

вероятно, приведет к сокращению импорта из нейтральных стран относительно пиковых значений лета-осени 2022 г.

Оценка товарооборота с «недружественными» странами

В части поставок российских товаров на рынки «недружественных» стран наблюдалось достаточно синхронное снижение на протяжении всего года. (См. рис. 3.) В страновом разрезе по результатам четвертого квартала лидером сокращения (год к году) стала Великобритания, практически прекратившая импорт товаров из России (-98%), далее идут поставки в США (-72%), Южную Корею (-46%), ЕС (-41%) и Японию (-40%), а наилучший результат был отмечен у стран ЕАСТ (-27%). Последнее связано с меньшей долей топлива в их импорте из России и менее строгими санкционными ограничениями на него.

В динамике ввоза товаров из «недружественных» стран на российский рынок хорошо прослеживается синхронность падения в феврале-апреле и последующей стабилизации.

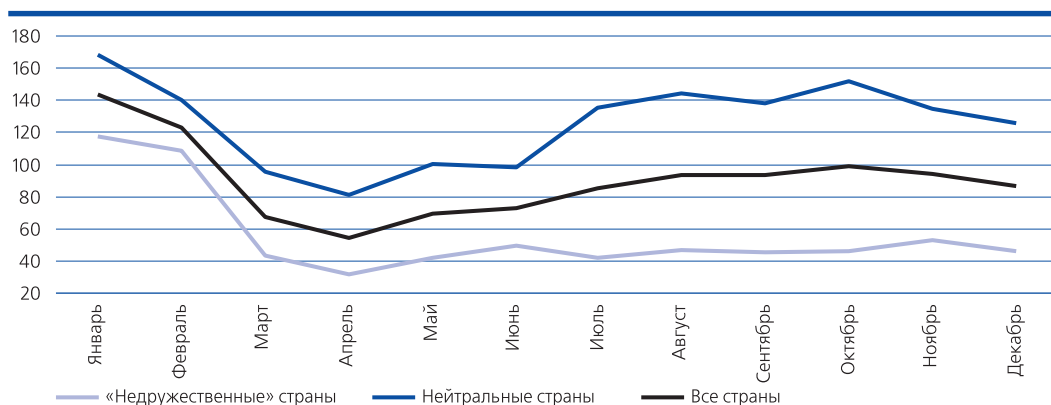
(См. рис. 4.) По результатам четвертого квартала лидерами снижения (год к году) поставок на российский рынок также стали Великобритания (-85%) и США (-84%), меньшее снижение наблюдалось у ЕС (-51%) и Японии (-40%), а наилучший результат был зафиксирован у стран ЕАСТ (-35%) и Южной Кореи (-29%).

Считая четвертый квартал 2022 г. близким к новому равновесию, можно констатировать многократное снижение торговли с Великобританией и США и ее сжатие с другими основными «недружественными» странами в полтора-два раза.

Оценка товарооборота с нейтральными странами

В части поставок российских товаров на рынки рассматриваемых нейтральных стран наблюдались значительные географические различия. (См. рис. 5.) Поставки в Китай — в настоящее время основной торговый партнер России — увеличились за год на 44% (до 114,1 млрд долл.⁶), при этом в четвертом квартале — на 23%

Рис. 2. Оценка динамики стоимостных объемов импорта из «недружественных» и нейтральных стран в 2022 г., в % к аналогичному месяцу 2021 г.

Примечание. В 2021 г. на рассмотренные страны пришлось 94% импорта из «недружественных» стран и 64% — из нейтральных. Значение по «всем странам» рассчитано с учетом первоначальных долей этих стран в российском импорте, с нормировкой на данные ФТС по совокупному импорту за 2022 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных статистики торговых партнеров. (См. приложение.)

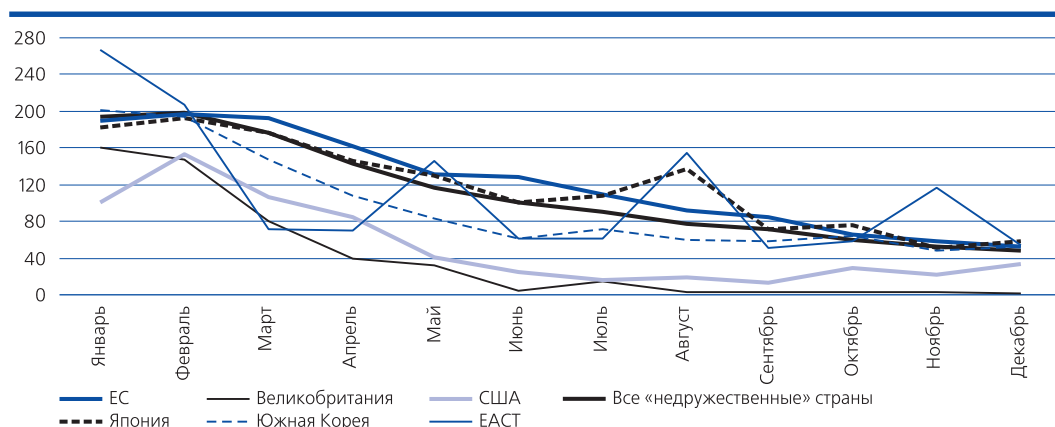
⁶ По данным зеркальной статистики, в 2021 г. расхождение данных ФТС об объемах поставок в Китай (67 млрд долл.) и данных Главного таможенного управления КНР (79,6 млрд долл.) достигало 18%.

(год к году). Наибольший относительный рост был зафиксирован в поставках российских товаров в Турцию (в 2,1 раза — до 62,1 млрд долл.) и в Индию (рост в 4,3 раза — до 35,5 млрд долл.), произошедший в результате перенаправления нефтяных потоков в эти страны. Поставки в Бразилию увеличились менее значительно

(+38% — до 7,8 млрд долл.), а в Казахстан — не изменились (-1% — 17,3 млрд долл.).

В динамике ввоза товаров из нейтральных стран на российский рынок хорошо прослеживается синхронность падения в феврале-апреле и стабилизации во второй половине 2022 г. на уровнях, превышающих стоимостные объ-

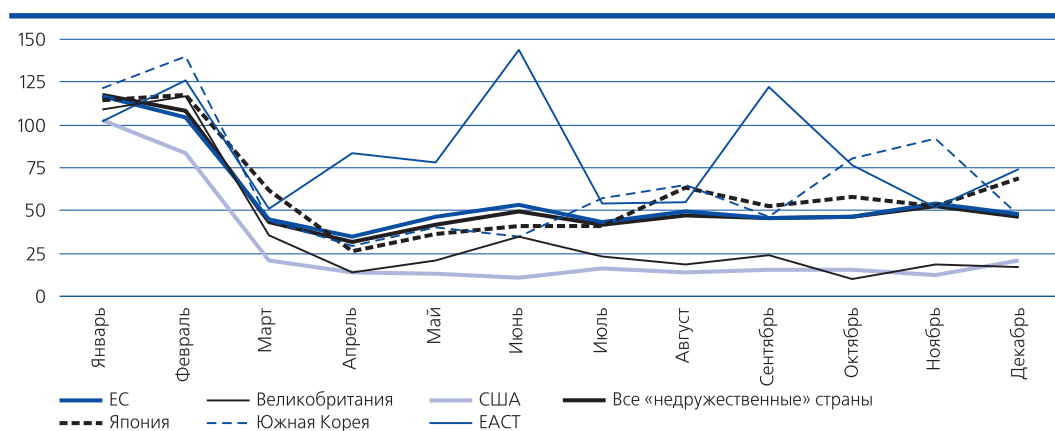
Рис. 3. Динамика стоимостных объемов поставок российских товаров в основные «недружественные» страны в 2022 г., в % к аналогичному месяцу 2021 г.

Примечание. На ЕС, Великобританию, ЕАСТ, США, Японию и Южную Корею ранее приходилось 95% экспорта и 94% импорта России со всеми «недружественными» странами.

Источник: расчеты авторов на основе данных статистики торговых партнеров. (См. приложение.)

Рис. 4. Динамика стоимостных объемов поставок в Россию из основных «недружественных» стран в 2022 г., в % к аналогичному месяцу 2021 г.

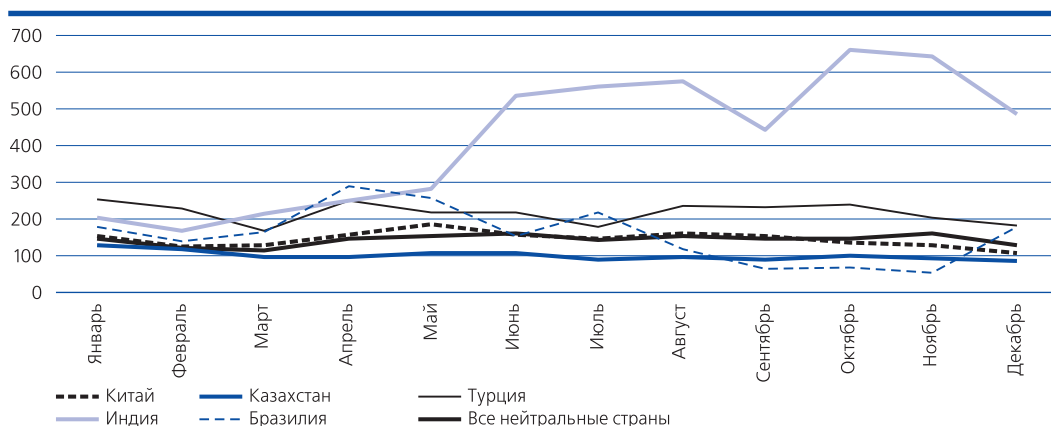
Примечание. См примечание к рис. 3.

Источник: расчеты авторов на основе данных статистики торговых партнеров. (См. приложение.)

емы 2021 г. (См. рис. 6.) В страновом разрезе по результатам четвертого квартала лидерами роста (год к году) стали географически близкие к европейской части страны Турция (+84%) и Казахстан (+52%), что, вероятно,

связано с организацией параллельного импорта, а у более географически удаленных стран поставки на российский рынок в этот период увеличились слабее: Китай (+19%), Бразилия (+23%) и Индия (-4%). ■

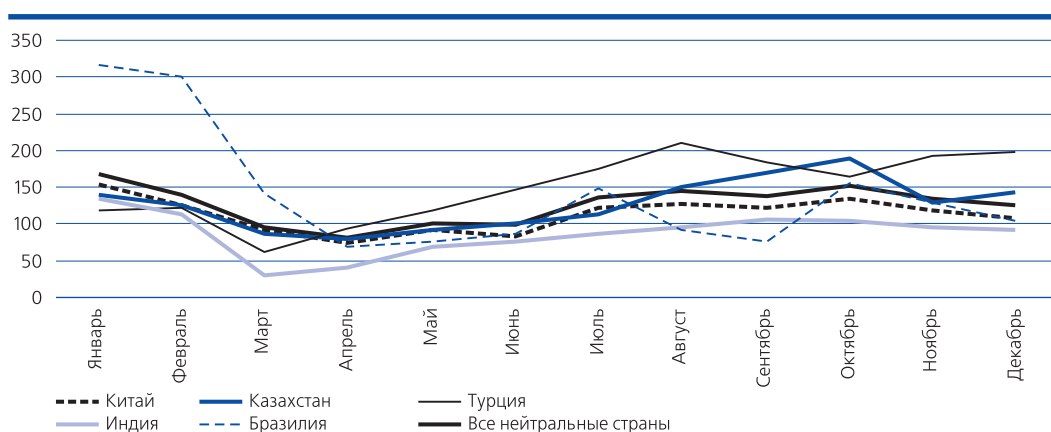
Рис. 5. Динамика стоимостных объемов поставок российских товаров в основные нейтральные страны в 2022 г., в % к аналогичному месяцу 2021 г.

Примечание. В 2021 г. на Китай приходилось 51% российского импорта и 31% экспорта во все нейтральные страны, на Казахстан, Турцию, Индию и Бразилию вместе – 14 и 27% соответственно. Остальные нейтральные страны составляли 35% импорта и 41% экспорта; их совокупная торговля бралась пропорциональной торговле с пятью указанными странами, а общий объем корректировался с учетом данных ФТС по торговле со всеми странами за 2022 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных статистики торговых партнеров. (См. приложение.)

Рис. 6. Динамика стоимостных объемов поставок в Россию из основных нейтральных стран в 2022 г., в % к аналогичному месяцу 2021 г.

Примечание. См. примечание к рис. 5.

Источник: расчеты авторов на основе данных статистики торговых партнеров. (См. приложение.)

Ограничение методологии

Статистика ФТС расходится с данными, публикуемыми торговыми партнерами РФ. Помимо расхождения времени отправки и доставки товаров в ряде случаев страна-экспортер и страна-импортер могут не совпадать из-за различий в определении страны происхождения и страны назначения. В 2021 г. данные Eurostat по поставкам товаров в Россию превышали аналогичные данные ФТС на 14%. Расхождения с данными Великобритании (-5%), Китая (-7%) и Японии (-12%) были меньше, а с данными Южной Кореи (-32%), Бразилии (-36%) и США (-63%) – больше. С данными ФТС по объемам вывоза товаров из России относительно хорошо согласуется статистика ЕС (расхождение менее 1%), Китая (+18%) и Индии (+9%), а хуже всего – данные США (+73%) и Великобритании (-26%).

ПРИЛОЖЕНИЕ**Источники данных**

Страна	Источник	Валюта
Европейский союз (27) и ЕАСТ	Eurostat	Евро
США	Census Bureau	Доллары США
Южная Корея	Korea Customs Service	Доллары США
Япония	Ministry of Finance	Иены
Великобритания	Office for National Statistics	Фунты стерлингов
Китай	General Administration of Customs	Доллары США
Казахстан	Бюро национальной статистики	Доллары США
Турция	TurkStat	Доллары США
Индия	Ministry of Commerce and Industry	Доллары США
Бразилия	COMEX STAT	Доллары США
Обменные курсы	ОЭСР (MEI)	

Dynamics of Trade Turnover between Russia and Its Main Partners in 2022

Alexander Yu. Knobel – Head of Foreign Trade Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Director of Center for Foreign Trade Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Director of Institute for International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: knobel@iep.ru

Alexander S. Firanchuk – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Economics (Moscow, Russia). E-mail: firanchuk@ranepa.ru

In 2022, Russia's trade turnover stood at \$850.5 bn and the surplus rose to \$332.4 bn. Exports hit a record high of \$591.5 bn (+19.9%) on the back of an increase in exports of mineral fuels to the tune of \$383.7 bn (+42.8%), which offset the decline in exports of other goods (-7.4%). The share of mineral fuels in exports reached 64.9% (+10.4 p.p.). Imports amounted to \$259.1 bn (-11.7% for the year, and -8.0% in the second half of 2022).

In the second half of the year, the share of neutral countries in exports and imports increased to 63.6% (+19.7 p.p.) and 74.6% (+24.8 p.p.), respectively. In late 2022, imports stabilized at new levels: there was a six-to-seven-fold decrease in supplies from the UK and the US and a one-and-a-half or two-fold decrease in supplies from other major «unfriendly» countries; at the same time, geographically close neutral Turkey and Kazakhstan raised their supplies to the Russian market the most.

Key words: foreign trade, exports, imports, «unfriendly» countries, neutral countries, sanctions.

JEL-codes: F10, F14.

Эконометрическое моделирование

РАЗРЫВ ВЫПУСКА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ МНОГОМЕРНОГО ФИЛЬТРА МВФ^{1,2}

А. Р. ШАРАФУТДИНОВ

В работе оценивается квартальная динамика разрыва выпуска в российской экономике с помощью простого многомерного фильтра МВФ на основе данных по ВВП, инфляции и безработице с учетом кривой Филлипса, описывающей влияние разрыва выпуска на инфляционный процесс, и закона Оукена, описывающего взаимосвязь разрыва безработицы и разрыва выпуска. Полученная оценка за первые три квартала 2022 г. оказалась выше на 2 п.п., чем аналогичный показатель, оцененный с помощью одномерного статистического фильтра Ходрика-Прескотта (Hodrick-Prescott, HP-фильтр), и в третьем квартале 2022 г. составила -0,4%, что частично объясняется отрицательным разрывом безработицы в этот период (-1,1%) и является особенностью нынешней перестройки в отличие от кризисов 2008–2009, 2015 и 2020 гг.

Статья подготовлена в рамках стипендиальной программы аспирантов и выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: разрыв выпуска, разрыв безработицы, многомерный фильтр, закон Оукена, кривая Филлипса, конъюнктура.

JEL: E32, C13, C32, C51.

Введение

Разрыв выпуска (*output gap*), или процентное отклонение фактического выпуска от его потенциального уровня, — ненаблюдаемая переменная, определяющая, согласно работам [5] и [19], динамику цен. Так, если реальный ВВП выше его потенциального значения, т.е. если разрыв выпуска положительный, то это подразумевает рост реальных предельных издержек, влияющих на инфляцию, в соответствии с определением кривой Филлипса, и наоборот. В связи с этим понимание текущего этапа экономического цикла, характеризуемого разрывом выпуска, является критически важным с точки зрения проведения монетарной политики: согласно правилу денежно-кредитной политики в квартальной прогнозной модели России, описанной в работе Орлова [5], мо-

нетарный регулятор «реагирует на ожидаемое отклонение инфляции от цели и выпуска от потенциального уровня».

О применимости того или иного метода оценивания разрыва выпуска ведутся активные дискуссии, в ходе которых указывают на зависимость полученных результатов от структуры модели, применяемой для фильтрации, и от ее параметризации [19]. Поэтому для выработки эффективных мер экономической политики целесообразно опираться на спектр методов.

В настоящей работе в качестве возможного варианта для оценивания текущего состояния экономики с точки зрения делового цикла используется многомерный фильтр МВФ [12], построенный на основе следующих экономических закономерностей: структура фильтра учитывает взаимозависимость между разры-

Шарафутдинов Артур Радикович, аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; главный экономист Департамента денежно-кредитной политики Банка России (Москва), e-mail: artur.sharafutdinov@phystech.edu

¹ Автор выражает признательность А. Полбину за плодотворные обсуждения настоящей работы.

² Содержание настоящей статьи отражает личную позицию автора. Содержание и результаты исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях, как официальную позицию Банка России, или указание на официальную политику, или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими.

вом выпуска и ситуацией на рынке труда в соответствии с законом Оукена и с динамикой инфляции, что отражено в кривой Филлипса.

Результаты, полученные с помощью такого фильтра, оказались интерпретируемыми. Также были выявлены особенности функционирования российской экономики во время текущего кризиса с точки зрения разрыва выпуска и разрыва безработицы.

Статья построена следующим образом. В первом разделе приведен обзор основных методов оценивания разрыва выпуска: одномерного и многомерного фильтров, метода производственной функции и фильтрации с помощью DSGE-модели, – с примерами их использования для анализа российской экономики. В последующих трех разделах детально описан применяемый многомерный фильтр МВФ: приведены уравнения модели, представлены используемые данные и описана параметризация. Последний раздел посвящен описанию результатов оценивания разрыва выпуска и безработицы. В заключении кратко сформулированы итоги исследования.

Обзор методов оценивания разрыва выпуска и практических исследований

Оценивание разрыва выпуска зависит от оценивания потенциального выпуска или от тренда выпуска, в связи с чем большинство упоминаемых далее работ сфокусировано на этих двух показателях. В соответствии с работой Оукена [17] потенциальный выпуск – такой уровень выпуска, который не создает инфляционного давления. Это определение принято многими центральными банками, проводящими денежно-кредитную политику, поскольку оно позволяет осуществлять разного рода коммуникации в условиях компромисса между выпуском и инфляцией.

Популярный метод оценки потенциального выпуска состоит в его оценивании с помощью HP-фильтра – одномерного статистического фильтра, применяемого для сглаживания колебаний в выпуске. Такой фильтр отли-

чается простотой и прозрачностью, а также может быть использован применительно к любой стране, в которой публикуется статистика по ВВП. Недостаток этого подхода – отсутствие учета любой экономической структуры, вследствие чего полученный результат является скорее статистической аппроксимацией потенциального выпуска. Методу свойственны следующие статистические особенности: на достаточно большой выборке оценка разрыва выпуска в среднем будет равна 0, а отношение волатильностей циклической и структурной компонент определяется выбором параметра сглаживания. И наконец, одномерные фильтры подвержены влиянию проблемы «конца выборки» (*end-of-sample*), из-за чего оценки с приближением к концу выборки и по мере увеличения ее размера часто пересматриваются.

Другой распространенный метод оценивания потенциального выпуска опирается на применение производственной функции. Самым простым его примером является двухфакторная производственная функция, в частности функция Кобба-Дугласа, в которой в качестве факторов используются занятость и основной капитал. В таком случае совокупная факторная производительность (*Total-Factor Productivity – TFP*) вычисляется в виде остатка в производственной функции. С помощью сглаживания оцененной траектории TFP и траекторий занятости и основного капитала вычисляют потенциальный выпуск [13]. Преимущество данного метода заключается в возможности определить причины роста потенциального выпуска в экономике. Если для сглаживания факторов производства и совокупной факторной производительности применяется HP-фильтр, то полученный с его помощью потенциальный выпуск оказывается подвержен тем же рискам, что и потенциальный выпуск, напрямую оцененный HP-фильтром. Более подробное описание данной методологии и результаты ее применения в анализе российской экономики приведены в работах Синельникова-Мурылева и др. [10] и Дробышевского и др. [1].

Следующий метод состоит в использовании многомерного фильтра, подробно описанного в работах Лакстона и Тетлоу [16], Каттнера [15], Бенеша и др. [11] и Благрейва и др. [12]. Суть подхода заключается в учете экономической структуры в виде простых базовых теоретических взаимосвязей при оценивании, например, кривой Филлипса, описывающей влияние разрыва выпуска на инфляционный процесс. Преимуществами подхода являются: оценивание разрыва выпуска и потенциального выпуска соответствует определению Оукена для потенциала, а также возможность применять малый набор наблюдаемых переменных. Однако многомерный фильтр по-прежнему содержит в себе риски проблемы «конца выборки» и предполагает необходимость соответствия имплементируемых структурных взаимосвязей анализируемой экономике.

Популярным является метод оценивания разрыва выпуска и потенциального выпуска с помощью DSGE-модели (модель динамического стохастического общего равновесия – *Dynamic Stochastic General Equilibrium Model*), описанный в работе Ветлова и др. [20]. Этот подход отличается теоретической строгостью и академичностью и поэтому сложен с точки зрения имплементации. Более того, результат оценивания с помощью такого метода чувствителен к спецификации DSGE-модели.

Многомерный фильтр Ходрика-Прескотта для анализа динамики разрыва выпуска на квартальных данных российской экономики применяется в работе Зубарева и Трунина [3]. Отличие такого фильтра от его одномерной версии заключается в том, что в максимизируемый функционал добавлена сумма квадратов остатков из оценки уравнения кривой Филлипса, как показано в более поздней работе тех же авторов [2].

В работе Орловой и др. [6] для тех же целей используется многомерный фильтр на годовых данных, построенный на основе прокси кривой Филлипса, которая не включает вперёдсмотрящую компоненту инфляции, прокси

IS-кривой, включающей прирост номинальной ставки вместо разрыва реальной процентной ставки, и закона Оукена. Оцененные в этом исследовании темпы прироста потенциального выпуска декомпозируются с помощью двухфакторной производственной функции, включающей труд и капитал. Близкий к этому подходу применяется в [7].

Описание модели

В настоящей работе в качестве основы исследования выбрана модель простого многомерного фильтра, описанного в работе Благрейва и др. [12]. Уравнения, связывающие наблюдаемые переменные с эндогенными переменными, представлены ниже.

Разрыв выпуска – y_t определяется как разность логарифмов уровня реального выпуска – Y_t и уровня потенциального выпуска – \bar{Y}_t :

$$y_t = Y_t - \bar{Y}_t. \quad (1)$$

Стохастический процесс для динамики выпуска описан следующими уравнениями, поддерживающими соответствующие шоки:

$$\bar{Y}_t = \bar{Y}_{t-1} + 0,25G_t + \varepsilon_t^{\bar{Y}}; \quad (2)$$

$$G_t = \theta G^{SS} + (1 - \theta)G_{t-1} + \varepsilon_t^G; \quad (3)$$

$$y_t = \varphi y_{t-1} + \varepsilon_t^y. \quad (4)$$

Уровень потенциального выпуска определяется аннуализированными потенциальными темпами роста – G_t и соответствующим шоком уровня – $\varepsilon_t^{\bar{Y}}$. Потенциальные темпы роста также подвержены шокам, эффект от которых постепенно снижается с темпом θ по мере схождения потенциальных темпов роста к темпам роста в стационарном состоянии – G^{SS} . Разрыв выпуска также подвержен шокам – ε_t^y , которые часто называют шоками спроса. Подробно различие между шоками описано в оригинальной работе [12], здесь же в справочных целях отметим, что при шоке спроса траектория уровня потенциального выпуска не меняется, при шоке потенциальных темпов роста происходит плавное изменение уровня потен-

циального выпуска, а при шоке уровня происходит одномоментное смещение уровня потенциального выпуска.

Кривая Филлипса помогает идентифицировать три компоненты шока выпуска благодаря учету взаимосвязи разрыва выпуска (ненаблюдаемой переменной) и инфляции π_t , также определяемой ожидаемой инфляцией в виде линейной комбинации инфляции в предыдущем квартале и ожидаемой инфляции в следующем квартале:

$$\pi_t = \lambda E_t \pi_{t+1} + (1 - \lambda) \pi_{t-1} + \beta y_t + \omega (y_t - y_{t-1}) + \varepsilon_t^\pi. \quad (5)$$

В дополнение к уровню разрыва выпуска y_t в кривую Филлипса добавлен его прирост $(y_t - y_{t-1})$ по аналогии с более ранней работой Бенеша и др. [11], в которой построен многомерный фильтр на квартальных данных. Согласно этому исследованию уровень разрыва выпуска учитывает стандартный краткосрочный компромисс: рост разрыва приводит к повышению инфляции, а изменение разрыва описывает жесткости в подстройке экономики.

Далее приведены уравнения динамики безработицы, предоставляющие дополнительную информацию для оценивания разрыва выпуска:

$$u_t = U_t - \bar{U}_t; \quad (6)$$

$$u_t = \tau_2 u_{t-1} - \tau_1 y_t + \varepsilon_t^u; \quad (7)$$

$$\bar{U}_t = (\tau_4 \bar{U}^{SS} + (1 - \tau_4) \bar{U}_{t-1}) + 0,25g \bar{U}_t + \varepsilon_t^{\bar{U}}; \quad (8)$$

$$g \bar{U}_t = (1 - \tau_3)g \bar{U}_{t-1} + \varepsilon_t^{g\bar{U}}. \quad (9)$$

Разрыв безработицы определен аналогично разрыву выпуска: как разница логарифмов наблюдаемого уровня безработицы U_t и равновесного уровня безработицы (*Non-accelerating Inflation Rate of Unemployment – NAIRU*), или естественного уровня безработицы \bar{U}_t , который также подвержен шокам уровня ε_t^u и обладает собственным темпом роста, содержащим соответствующий шок, $\varepsilon_t^{g\bar{U}}$. Такая спецификация допускает устойчивое отклонение NAIRU от стационарного состояния.

Закон Оукена [17] описывает взаимосвязь разрыва безработицы u_t и разрыва выпуска y_t .

В данной статье, в отличие от оригинальной работы [12], не применяются консенсус-прогнозы аналитиков по инфляции и росту реального выпуска, предназначенные для улучшения оценки в конце выборки.

Несмотря на то что, согласно исследованию Полбина [18], цена на экспортируемую нефть оказывает значимое влияние и на циклическую, и на структурную компоненты ВВП России, в настоящей работе не учитываются условия торговли нефтью для сохранения простоты модели.

Данные и выборка

Применяемые наблюдаемые данные: темп роста реального ВВП (квартал к предыдущему кварталу), ИПЦ на товары и услуги (квартал к предыдущему кварталу) и уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет (в среднем за квартал). Показатели были сезонно скорректированы в Gretl с помощью X-13ARIMA.

Согласно результатам исследования Полбина и Скроботова [8] структурный сдвиг в тренде ВВП произошел в третьем квартале 2007 г., еще до кризиса 2008–2009 гг., а в 2015 г. излом в тренде ВВП отсутствует, поэтому выборка начинается с первого квартала 2008 г. и заканчивается третьим кварталом 2022 г., что соответствует последней доступной точке в официальной статистике.

Особенности параметризации

Трендовый темп роста выпуска в России в стационарном состоянии G^{SS} был установлен на уровне 2% в год в соответствии с оценкой, приведенной в исследовании Полбина [9], исходя из которой темпы трендового роста с 2008 по 2015 гг. находились на уровне 2%, а затем снизились до 1%. Эти результаты подтверждаются более поздним исследованием Маликовой и Фокина [4]. Такая калибровка служит начальной точкой выборки, которая начинается в первом квартале 2008 г., а далее потен-

циальные темпы роста могут снижаться в соответствии с авторегрессионным процессом (3). В качестве стационарного уровня безработицы выбран ее средний уровень с первого квартала 2008 г. по четвертый квартал 2022 г., равный 5,7%. Калибровка остальных параметров с задаваемыми априорными значениями, во многом повторяющими параметризацию работ [12] и [11], представлена в таблице, в которой также приведены результаты оценивания этих параметров и стандартных отклонений шоков байесовским методом. Для всех параметров используется нормальное распределение с ограничениями на верхнюю и нижнюю границы.

Для фильтра Ходрика-Прескотта параметр сглаживания, в соответствии оригинальной работой [14], установлен на уровне 1600.

Результаты

Первое снижение разрыва выпуска на рассматриваемой выборке (см. рисунок) началось в четвертом квартале 2008 г., пока в первой половине 2009 г. разрыв выпуска не достиг уровня -8%, после чего началось плавное восстановление спроса, длившееся 9 кварталов. Одновременно с таким снижением спроса сформировался максимально высокий уровень разрыва безработицы – 2%. Потери в выпуске за счет циклической компоненты при этом составили 13 п.п. в терминах годового ВВП.

В 2012–2014 гг. разрыв выпуска был положительным и в среднем составил 2,3%. В этот же период сменилась тенденция – с завышения разрыва выпуска, оцененного НР-фильтром, на его занижение относительно аналогичной оценки многомерным фильтром.

Априорные и апостериорные распределения параметров модели

Параметры	Априорное среднее	Априорное стандартное отклонение	Апостериорное среднее	Апостериорное стандартное отклонение
λ	0,25	0,10	0,44	2,9E-10
β	0,25	0,10	0,09	2,7E-02
ω	0,25	0,10	0,11	4,4E-04
φ	0,60	0,10	0,75	4,0E-03
θ	0,10	0,10	0,01	4,9E-02
τ_1	0,30	0,10	0,17	3,5E-03
τ_2	0,30	0,10	0,26	1,3E-04
τ_3	0,10	0,01	0,10	1,1E-02
τ_4	0,10	0,01	0,10	2,6E-02
$\varepsilon_t^{\bar{y}}$	0,05	0,01	0,05	9,4E-03
ε_t^G	0,20	0,01	0,17	7,6E-03
ε_t^y	1,50	0,10	1,65	1,5E-03
ε_t^π	0,25	0,20	2,14	9,6E-04
ε_t^u	0,50	0,01	0,49	1,2E-02
$\varepsilon_t^{\bar{u}}$	0,10	0,01	0,10	1,6E-02
$\varepsilon_t^{\bar{u}^g}$	0,10	0,01	0,10	1,2E-02

Источник: [11], [12], расчеты автора.

В первом квартале 2015 г. началось самое продолжительное из всех анализируемых кризисов – снижение спроса после первого наложения санкций на Россию. За этот трехлетний период разрыв выпуска в среднем составил -0,7%, а потери выпуска в результате сокращения спроса составили 2 п.п. в терминах годового ВВП. Разрыв безработицы в этот период не превышал 0,3%.

Период 2018–2019 гг. по своим характеристикам совпадает с периодом 2012–2014 гг. – в оба из них разрыв безработицы был отрицательным и в среднем составил -0,6 и -0,5% соответственно.

COVID-кризис стал самым коротким с точки зрения отрицательного разрыва выпуска, составившего во втором квартале 2020 г. -4,7%, поскольку разрыв был отрицательным на протяжении только одного квартала. Разрыв безработицы, напротив, сохранялся положительным четыре квартала и в среднем равнялся 0,6%. Потери в выпуске из-за сокращения спроса во втором квартале 2020 г. составили лишь 1,2 п.п. в терминах годового ВВП благодаря своевременной корректировке денежно-кредитной и бюджетных политик.

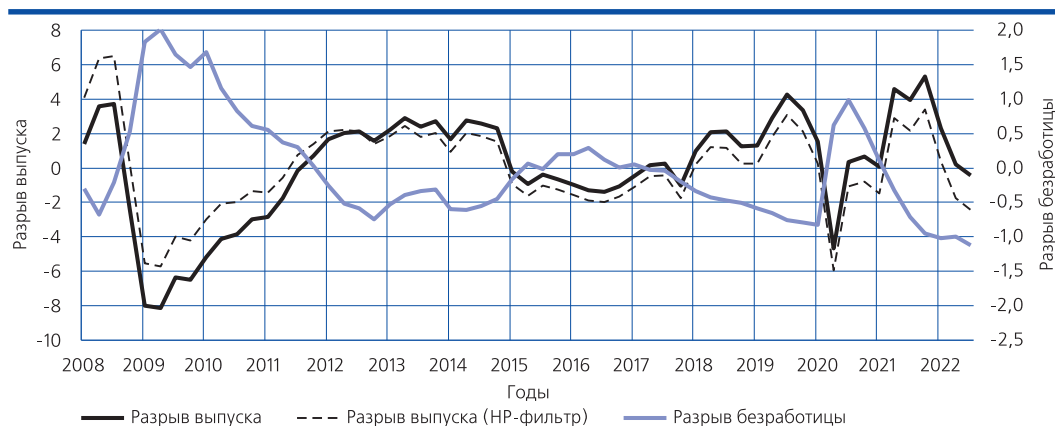
2021 г. отличается тем, что в четвертом квартале разрыв выпуска открылся до максималь-

ного за весь рассматриваемый период уровня 5,3%, а разрыв безработицы снизился до минимального уровня -1%, что согласуется с высокой инфляцией: в 2021 г. (квартал к предыдущему кварталу SAAR (*Seasonally Adjusted Annual Rate* – сезонно скорректированная и аннуализированная ставка)) инфляция в среднем составила 8,4%.

В 2022 г. разрыв выпуска, оцененный многомерным фильтром, во втором-третьем кварталах составил 0,2–(-0,4)% и оказался намного выше, чем показатель, оцененный в аналогичный период одномерным фильтром и составивший (-1,8)–(-2,4)%. (См. рисунок.)

На основе траектории разрыва безработицы выявлена следующая особенность 2022 г. Во все прошлые кризисы разрыв безработицы был положительным, тогда как в ходе текущей структурной перестройки, вызванной новыми санкциями на РФ, он стал отрицательным, что свидетельствует об одновременном повышении спроса на труд из-за усиления востребованности рабочей силы в условиях активного процесса импортозамещения и выстраивания новых производственных связей, и о снижении предложения труда в результате миграции части квалифицированной рабочей силы. Такой разрыв безработицы согласуется с око-

Разрывы выпуска и безработицы, оцененные с помощью многомерного фильтра, и разрыв выпуска, оцененный с помощью НР-фильтра, п.п.

лонулевым уровнем разрыва выпуска относительно снижений уровня спроса во время финансового кризиса 2008–2009 гг., кризиса 2015 г. и COVID-кризиса 2020 г., несмотря на замедление инфляции квартал к кварталу SAAR ниже 4% в третьем квартале 2022 г.

Как видно на рисунке, НР-фильтр занижает оценку разрыва выпуска по сравнению с многомерным фильтром со второй половины 2012 г. — за этот период различие между оценками в среднем составило 1 п.п. Таким образом, разница в оценках разрыва выпуска в 2022 г. также является следствием систематического занижения оценки ненаблюдаемого показателя, полученного с помощью одномерного фильтра.

Заключение

В работе рассмотрены возможные варианты оценивания разрыва выпуска, текущие оценки которого важны для повышения эффективности проводимой денежно-кредитной политики. В качестве варианта предложена оценка разрыва выпуска с помощью многомерного фильтра МВФ, поскольку, как показано, НР-фильтр занижает оценки разрыва выпуска относительно аналогичных оценок, полученных с использованием многомерного фильтра, на 2 п.п. в первые три квартала 2022 г. и на 1 п.п. в среднем за период 2012–2022 гг.

Также выявлен ряд особенностей нынешнего кризиса: разрыв выпуска во втором и третьем кварталах 2022 г. оценивается как околонулевой — 0,2 и -0,4% соответственно, а разрыв безработицы в третьем квартале 2022 г., в отличие от всех предыдущих кризисов, находится на самом низком за период 2008–2022 гг. уровне -1,1%. Вероятными причинами этого являются рост спроса на труд в результате активного вовлечения рабочей силы в процессы импортозамещения и выстраивания новых производственных цепочек и сокращение предложения труда вследствие миграции части квалифицированной рабочей силы.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что падение ВВП в 2022 г. в большей степени вызвано закрытием положительного разрыва выпуска с максимального за период 2008–2022 гг. уровня 5,3%, который сформировался к концу 2021 г., до уровня -0,4% в третьем квартале 2022 г.

Особо следует подчеркнуть, что любые оценки разрыва выпуска зависят от применяемых модельных предпосылок и носят субъективный характер, поэтому при принятии решений в области экономической политики необходимо опираться на весь спектр методов оценивания данного показателя. ■

Литература

1. Дробышевский С.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Павлов П.Н., Синельников-Мурылев С.Г. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5–31.
2. Зубарев А.В., Трунин П.В. Анализ динамики российской экономики с помощью показателя «Разрыв выпуска» // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 10–17.
3. Зубарев А.В., Трунин П.В. Определение разрыва выпуска для российской экономики // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 3. С. 381–388.
4. Маликова Е.В., Фокин Н.Д. Оценка трендового темпа роста ВВП при помощи TVP-ARX-SV-модели // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 3. С. 22–27.
5. Орлов А. Квартальная прогнозная модель России / Банк России, 2020.
6. Орлова Е.А., Белоусов Д.Р., Галимов Д.И. О модели потенциального ВВП и разрыва выпуска для российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2020. Т. 179. № 2. С. 60–71.
7. Орлова Н.В., Лаврова Н.А. Потенциальный рост как отражение перспектив российской экономики // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 5–20.
8. Полбин А.В., Скроботов А.А. Тестирование наличия изломов в тренде структурной компоненты ВВП Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 20. № 4. С. 588–623.
9. Полбин А.В. Оценка траектории темпов трендового роста ВВП России в ARX-модели с ценами на нефть // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 1. С. 40–63.
10. Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37.
11. Benes J., Clinton K., Garcia-Saltos R., Johnson M., Laxton D., Manchev P. and Matheson T. Estimating Potential Output with a Multivariate Filter // IMF Working Papers. 2010. No. WP/10/285.
12. Blaggrave P., Garcia-Saltos R., Laxton D. and Zhang F. A Simple Multivariate Filter for Estimating Potential Output // IMF Working Papers. 2015. No. 2015/079.
13. D’Auria F., Havik K., Mc Morrow K., Planas C., Raciborski R., Roger W. and Rossi A. The production function methodology for calculating potential growth rates and output gaps / Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN), European Commission. 2010. No. 420.
14. Hodrick R.J., Prescott E.C. Postwar US business cycles: An empirical investigation // Journal of Money, Credit, and Banking. 1997. Vol. 29. No. 1. Pp. 1–16.
15. Kuttner K.N. Estimating potential output as a latent variable // Journal of Business & Economic Statistics. 1994. Vol. 12. No. 3. Pp. 361–368.
16. Laxton D. and Tetlow R. A Simple Multivariate Filter for the Measurement of Potential Output / Bank of Canada. 1992. No. 59.
17. Okun A.M. Potential GNP: Its Measurement and Significance. In: Proceedings of the Business and Economic Statistics Section of the American Statistical Association // American Statistical Association. 1962. Pp. 98–104.
18. Polbin A. Multivariate unobserved component model for an oil-exporting economy: The case of Russia // Applied Economics Letters. 2020. Vol. 28. No. 8. Pp. 681–685.
19. St-Amant P. and van Norden S. Measurement of the Output Gap: A Discussion of Recent Research at the Bank of Canada / Bank of Canada. 1997.
20. Vetlov I., Hledik T., Jonsson M., Henrik K. and Pisani M. Potential output in DSGE models / European Central Bank. 2011. No. 1351.

References

1. Drobyshevsky S.M., Idrisov G.I., Kaukin A.S., Pavlov P.N., Sinelnikov-Murylev S.G. Decomposition of Russian GDP growth rates in 2007–2017 and forecast for 2018–2020 // Voprosy Ekonomiki. 2018. No. 9. Pp. 5–31.
2. Zubarev A.V., Trunin P.V. Analysis of Russian economy dynamics by using output gap index // Problems of Forecasting. 2017. No. 2. Pp. 10–17.
3. Zubarev A.V., Trunin P.V. Output gap determination in the Russian economy // Rossiyskoe Predprinimatelstvo. 2016. Vol. 17. No. 3. Pp. 381–388.
4. Malikova E.V., Fokin N.D. Estimation of the Long-run GDP Growth Rate Using the TVP-ARX-SV Model // Russian Economic Development. 2022. Vol. 29. No. 3. Pp. 22–27.
5. Orlov A. Quarterly Projection Model of Russia / Bank of Russia, 2020.

6. Orlova E.A., Belousov D.R., Galimov D.I. On the model of potential GDP and output gap for the Russian economy // *Problems of Forecasting*. 2020. Vol. 179. No. 2. Pp. 60–71.
7. Orlova N.V., Lavrova N.A. Potential output as a reflection of Russian economy perspectives // *Voprosy Ekonomiki*. 2019. No. 4. Pp. 5–20.
8. Polbin A.V., Skrobotov A.A. Testing for structural breaks in the long-run growth rate of the Russian economy // *Economic Journal of Higher School of Economics*. 2016. Vol. 20. No. 4. Pp. 588–623.
9. Polbin A.V. Estimating time-varying long-run growth rate of Russian GDP in the ARX model with oil prices // *Economic Policy*. 2020. Vol. 15. No. 1. Pp. 40–63.
10. Sinelnikov-Murylev S., Drobyshevsky S., Kazakova M. Decomposition of Russian GDP growth rates in 1999–2014 // *Economic Policy*. 2014. No. 5. Pp. 7–37.
11. Benes J., Clinton K., Garcia-Saltos R., Johnson M., Laxton D., Manchev P. and Matheson T. Estimating Potential Output with a Multivariate Filter // *IMF Working Papers*. 2010. No. WP/10/285.
12. Blagrove P., Garcia-Saltos R., Laxton D. and Zhang F. A Simple Multivariate Filter for Estimating Potential Output // *IMF Working Papers*. 2015. No. 2015/079.
13. D'Auria F., Havik K., Mc Morrow K., Planas C., Raciborski R., Roger W. and Rossi A. The production function methodology for calculating potential growth rates and output gaps / Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN), European Commission. 2010. No. 420.
14. Hodrick R.J., Prescott E.C. Postwar US business cycles: An empirical investigation // *Journal of Money, Credit, and Banking*. 1997. Vol. 29. No. 1. Pp. 1–16.
15. Kuttner K.N. Estimating potential output as a latent variable // *Journal of Business & Economic Statistics*. 1994. Vol. 12. No. 3. Pp. 361–368.
16. Laxton D. and Tetlow R. A Simple Multivariate Filter for the Measurement of Potential Output / Bank of Canada. 1992. No. 59.
17. Okun A.M. Potential GNP: Its Measurement and Significance. In: *Proceedings of the Business and Economic Statistics Section of the American Statistical Association* // American Statistical Association. 1962. Pp. 98–104.
18. Polbin A. Multivariate unobserved component model for an oil-exporting economy: The case of Russia // *Applied Economics Letters*. 2020. Vol. 28. No. 8. Pp. 681–685.
19. St-Amant P. and van Norden S. Measurement of the Output Gap: A Discussion of Recent Research at the Bank of Canada / Bank of Canada. 1997.
20. Vetlov I., Hledik T., Jonsson M., Henrik K. and Pisani M. Potential output in DSGE models / European Central Bank. 2011. No. 1351.

Output Gap in Russian Economy: Estimate Based on the IMF's Multivariate Filter^{3,4}

Artur R. Sharafutdinov — Graduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Economist of the Monetary Policy Department, Bank of Russia (Moscow, Russia). E-mail: artur.sharafutdinov@phystech.edu

The article estimates the quarterly dynamics of the output gap using a simple multivariate filter based on data on GDP, inflation and unemployment in accordance with the work of the IMF, taking into account the Phillips curve describing the impact of the output gap on the inflation process, and Okun's law describing the relationship between the unemployment gap and output gap. The resulting estimate for the first three quarters of 2022 turned out to be 2 p.p. higher than the similar indicator estimated using the univariate statistical Hodrick–Prescott filter, and amounted to -0.4% in Q3 2022, partly due to the negative unemployment gap, -1.1% in Q3 2022, which is a feature of the current restructuring in contrast to the crises of 2008–2009, 2015 and 2020.

The article was prepared within the framework of the scholarship program for graduate students and the implementation of the research work of the state task of RANEP.

Key words: output gap, unemployment gap, multivariate filter, Okun's law, Phillips curve, conjuncture.

JEL-codes: E32, C13, C32, C51.

³ The author is grateful to A. Polbin for productive discussions.

⁴ The views expressed herein are solely those of the author. The content and results of this research should not be considered or referred to in any publications as the Bank of Russia's official position, official policy, or decisions. Any errors in this document are the responsibility of the author.

Промышленность

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕТВЕРТОМ КВАРТАЛЕ 2022 г.¹

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

Трендовая составляющая индекса промышленного производства в четвертом квартале 2022 г. росла. Это было обеспечено добывающим сектором и производством товаров, замещающих иностранные бренды, ушедшие с российского рынка, а также расширением спроса на промежуточную продукцию для гособоронзаказа.

Ключевые слова: промышленность, сектора экономики, добывающая промышленность, обрабатывающие производства, Росстат, санкции.

JEL: L16, L6, L7, L8, L9.

Для корректной интерпретации имеющихся тенденций в отдельных отраслях необходимо проводить декомпозицию их выпуска на составляющие: календарную, сезонную, нерегулярную и трендовую²; содержательный интерес представляет интерпретация последней. Экспертами Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара была осуществлена очистка рядов индексов всех отраслей промышленного производства за 2003–2021 гг. от сезонной и календарной компонент и выделена трендовая составляющая³ на основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом по индексам производства в промышленных секторах экономики.

Результаты обработки ряда для индекса промышленного производства в целом представлены на рис. 1. На рис. 2 показан результат для агрегированных индексов добывающего

и обрабатывающего секторов, а также производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Для остальных рядов результаты декомпозиции представлены в таблице.

В четвертом квартале 2022 г. трендовая составляющая индекса промышленного производства показала медленный рост, основной вклад в который внесли отрасли по добыче топливно-энергетических ископаемых и обрабатывающие производства. У отрасли «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» были околонулевые темпы роста.

5 декабря 2022 г. вступили в силу эмбарго на морские поставки нефти из России в ЕС, а также «потолок цен» на нефть на уровне 60 долл./барр. По данным МЭА, несмотря на ограничения, объемы добычи и экспорта российской нефти по итогам 2022 г. остались устойчивыми: добыча выросла на 2% — до 535

Каукин Андрей Сергеевич, и.о. руководителя Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

¹ Авторы выражают признательность М. Турунцевой и Т. Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

² «Трендовая составляющая» — используемый в литературе устоявшийся термин, однако компонента не является «трендом» в строгом смысле, используемом в эконометрике при анализе временных рядов. В данном случае это именно остаток от выделения из ряда календарной, сезонной и нерегулярной составляющих. «Трендовую составляющую» некорректно использовать для прогнозирования временных рядов. Для большинства индексов промпредводства она нестационарна в уровнях (и стационарна в разностях), однако она может быть использована для интерпретации краткосрочной динамики и ее сопоставления с имевшими место событиями.

³ Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X-12-ARIMA.

млн т, экспорт нефти в страны дальнего зарубежья по трубопроводам и морю увеличился почти на 19% — до 207 млн т. В начале 2023 г. возможно временное снижение объемов добычи (для этого могут быть выведены из оборота скважины с высоким уровнем обводненности) с последующим восстановлением, поскольку для выстраивания альтернативных каналов поставки нефти необходимо время. Дополнительным фактором сокращения объемов добычи нефти в начале 2023 г. станет вступившее в силу 5 февраля эмбарго на экспорт нефтепродуктов.

Добыча газа и его экспорт в дальнее зарубежье в четвертом квартале 2022 г. продолжили снижение по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Причиной этого в первую очередь стала остановка работы экспортной инфраструктуры: сокращение более чем в два раза транзита газа через Украину после начала СВО; прекращение поставок по «Северному потоку» из-за неисправности оборудования; введение новой схемы оплаты газа (конвертация евро в рубли) для поставок на европейский рынок и приостановка в конце мая 2022 г. экспорта в Болгарию, Польшу, Финляндию, Нидерланды из-за их отказа от оплаты по новой схеме. Еще одним фактором уменьшения объемов экспорта стала догово-

ренность между странами ЕС снизить зависимость от поставок российского газа за счет сокращения спроса на 15%, достичь которого планируется к концу марта 2023 г. Помимо этого в четвертом квартале 2022 г. на объемах экспорта газа из России отрицательно сказался высокий уровень заполненности газовых хранилищ ЕС, который составил 80%.

Расширение спроса на газ со стороны ЕС возможно в конце первого полугодия 2023 г., когда начнется подготовка к следующему отопительному сезону. Положительный эффект от укрепления газового сотрудничества с Турцией, Китаем и Ираном будет заметен за пределами 2023 г. Рост в рассматриваемый период наблюдался в перевалке сжиженного газа в российских портах, что связано с замещением трубопроводного газа, поставляемого в ЕС, сжиженным, так как российский СПГ подпадает только под технологические санкции.

По итогам рассматриваемого периода в угольной промышленности сохранился рост добычи энергетического угля. Объемы добычи и экспорта коксующегося угля продолжали сокращаться из-за инфраструктурных ограничений на линиях железных дорог Дальнего Востока и конкуренции со стороны других грузов, которые были переориентированы на восток после введения санкций.

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2022 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

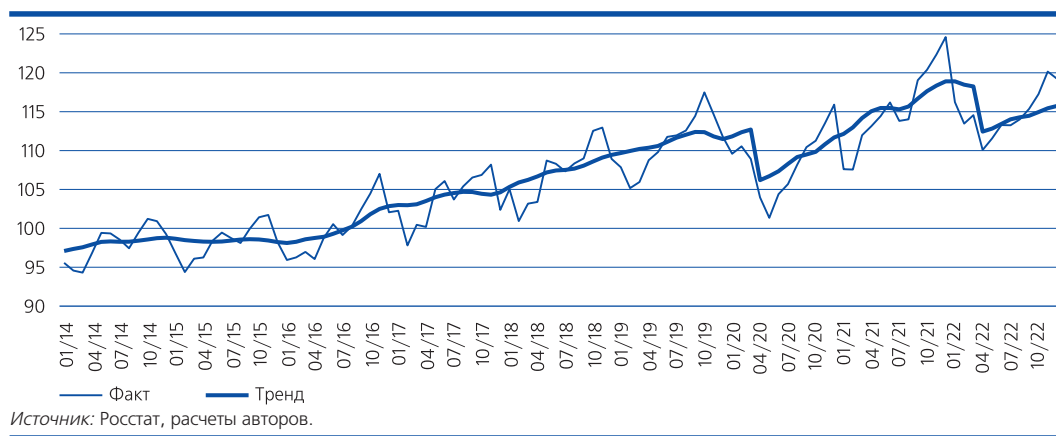
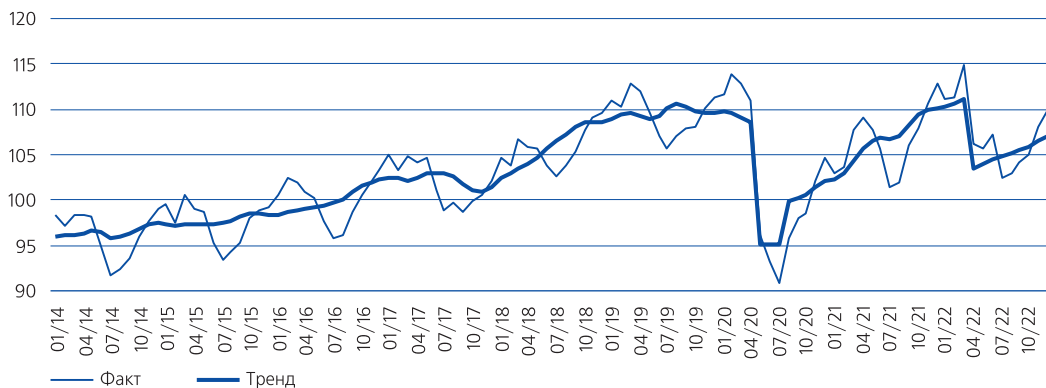
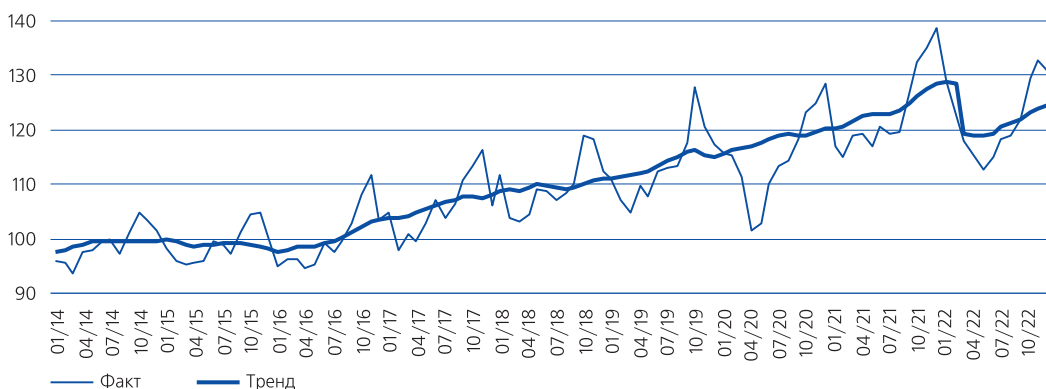

Рис. 2. Динамика индексов производства по отраслям в 2014–2022 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

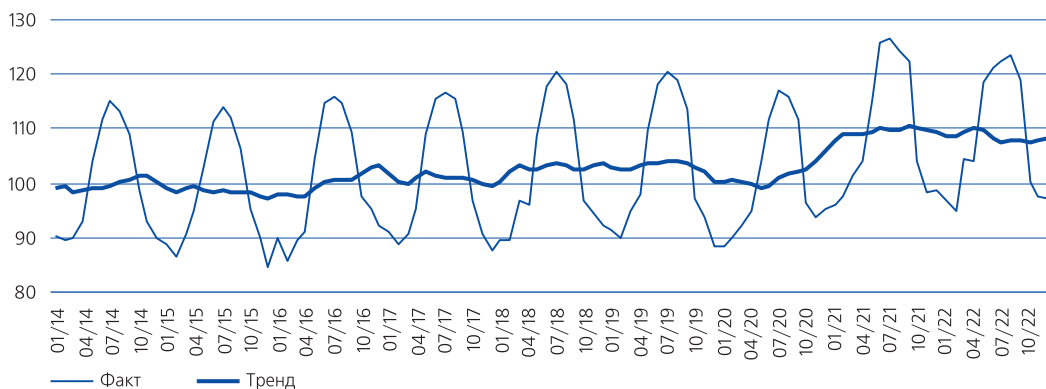
Добыча полезных ископаемых

Обрабатывающая промышленность

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Трендовая составляющая обрабатывающего сектора по итогам четвертого квартала 2022 г. показала рост. Положительная динамика наблюдалась у отраслей, ориентированных преимущественно на внутренний спрос: в производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака; производстве готовых металлических изделий; производстве машин и обо-

рудования; производстве транспортных средств и оборудования. Сдерживающее влияние на динамику промышленности оказывали экспортно ориентированные отрасли, в частности химическое производство и деревообрабатывающая промышленность. Сложившаяся в этих отраслях динамика обусловлена задержкой производства иностранного произ-

Изменение индекса выпуска по отраслям экономики в декабре 2022 г., в %

Отрасли	Доля в индексе промышленного производства	Декабрь 2022 г. к декабрю 2021 г.	Декабрь 2022 г. к июню 2022 г.	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		97,34	102,04	Медленный рост
<i>Добыча полезных ископаемых</i>	<i>34,54</i>	<i>97,19</i>	<i>102,51</i>	<i>Рост</i>
<i>Обрабатывающие производства</i>	<i>54,91</i>	<i>96,86</i>	<i>104,26</i>	<i>Рост</i>
в том числе:				
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	110,71	106,18	Рост
Текстильное и швейное производство	1,14	105,52	107,27	Рост
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	96,42	100,47	Медленный рост
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	81,29	95,34	Стагнация
Целлюлозно-бумажное производство	3,35	74,25	86,01	Спад
Производство кокса, нефтепродуктов	17,25	101,48	101,53	Медленный рост
Химическое производство	7,56	101,58	100,59	Стагнация
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	96,67	104,03	Рост
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	91,16	93,58	Спад
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	114,76	115,83	Рост
Производство машин и оборудования	6,97	96,50	102,54	Рост
Производство электрооборудования, электрического и оптического оборудования	6,27	94,54	98,81	Стагнация
Производство транспортных средств и оборудования	6,75	92,49	111,60	Рост
Прочие производства	2,42	93,95	103,39	Рост
<i>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды</i>	<i>13,51</i>	<i>98,85</i>	<i>100,09</i>	<i>Стагнация</i>
<i>Оптовая торговля</i>		<i>82,53</i>	<i>101,27</i>	<i>Медленный рост</i>
<i>Розничная торговля</i>		<i>90,04</i>	<i>101,06</i>	<i>Стагнация</i>
<i>Грузооборот</i>		<i>94,57</i>	<i>97,55</i>	<i>Стагнация</i>
<i>Строительство</i>		<i>106,17</i>	<i>103,51</i>	<i>Рост</i>
<i>Сельское хозяйство</i>		<i>105,43</i>	<i>102,41</i>	<i>Медленный рост</i>
<i>Объем платных услуг населению</i>		<i>101,23</i>	<i>101,55</i>	<i>Медленный спад</i>

Источник: Росстат, расчеты авторов.

водства товарами российских производителей из-за наложенных санкций на технологии, прекращением прямого импорта некоторых товаров, а также ростом спроса на продукцию, которая является промежуточной для выполнения гособоронзаказа.

В исследуемый период сохранился рост в торговле — за счет ухода крупных игроков из непродовольственного сегмента России и проведения распродаж их продукции, а также в строительстве — за счет ремонта и строительства инфраструктуры на присоединенных территориях. Грузооборот падает — по следующим причинам: ограничений на перевалку морскими путями продукции ТЭК; низкой пропускной способности железнодорожных путей в восточном направлении; сокращения экспорта газа по магистральным газопроводам.

Потенциальными вызовами для роста российской промышленности в 2023 г. станут:

- замещение более сложного производства производством относительно простой продукции из-за наложенных санкций на технологии и сокращение численности занятых вследствие проведенной частичной мобилизации и отъезда части специалистов за рубеж;
- снижение уровня конкуренции из-за ухода ряда иностранных производителей с российского рынка и ограничений по доступу на внешние рынки;
- сокращение доходов от экспорта российской нефти и газа в условиях эмбарго и «ценовых потолков»;
- быстрота выстраивания новых логистических цепочек и цепочек поставок, обеспечение их необходимой инфраструктурой. ■

Industrial Production Dynamics in Q4 2022

Andrey S. Kaukin — Acting Head of the Scientific Direction «Real sector» of the Gaidar Institute for Economic Policy; Head of Department for System Analysis of Sectorial Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kaukin@ranepa.ru

Eugenia M. Miller — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

Q4 2022 saw trend component growth in the industrial production index driven by extractive industries and manufacturing of goods substituting foreign brands which left the Russian market, as well as a pickup in demand for intermediate goods for the state defense order.

Key words: industry, sectors of the economy, mining industry, manufacturing industries, Rosstat, sanctions.

JEL-codes: L16, L6, L7, L8, L9.

ВЫБОР СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ЭНЕРГОМАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ С УЧЕТОМ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И ИНТЕРЕСОВ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

Ю. А. ОВЧИННИКОВА

Для любого коммерческого предприятия очень важен выбор стратегии развития, наиболее эффективной и соответствующей современным реалиям. Помимо государственной политики на рынке на выбор стратегии развития влияют и стейкхолдеры, интересы которых ставят перед предприятием конкретные задачи. На их основе предприятие выбирает стратегию, удовлетворяющую наибольшее количество заинтересованных сторон.

Вследствие вышесказанного автором разработана матрица выбора стратегии развития предприятия с учетом государственной политики и интересов стейкхолдеров на примере энергомашиностроительной отрасли.

Ключевые слова: стратегия развития; государственная политика, стейкхолдеры, энергомашиностроение, государственное регулирование.

JEL: G18, H71, Q48.

Для любой крупной компании в России одним из важных элементов бизнес-стратегии объективно остаются взаимоотношения с государством, которое устанавливает границы и условия предпринимательской деятельности. Формы и механизмы взаимодействия с государством оказывают существенное влияние на поведение фирм и стимулы, которыми руководствуются их управленцы. Ведь именно политика государства создает экономическую среду, в которой реализует свою деятельность предприятие. В связи с этим важно понимать, какую политику проводит государство и какую стратегию следует реализовывать предприятию для максимально эффективной деятельности и экономического роста.

Государство реализует свою отраслевую политику с помощью различных методов, учитывая уровень его участия и вовлеченности в деятельность предприятий. По мере того как усиливается роль государства в экономическом развитии предприятий и отраслей, можно условно выделить следующие его отраслевые политики:

Активная защитная отраслевая политика — использует мероприятия, подразумевающие конкретную направленность, но в це-

лях ограничений тех или иных действий предприятий. Ее примером является протекционистская внешнеторговая политика, которая оказывает существенное влияние на развитие отраслевых структур. К мерам активной защитной политики можно отнести пошлины на импорт и развитие экспорта отечественной продукции. К сожалению, западные санкции и изолирование российских предприятий на мировом рынке не дают в полной мере реализовывать активную защитную политику [4].

Пассивная защитная отраслевая политика — ставит основной целью борьбу с монополиями, деятельность которых приводит к неэффективному размещению ресурсов производства и потерям общественного благосостояния. Непременной составляющей такой политики выступает антимонопольное регулирование, контроль над горизонтальными и вертикальными слияниями и поглощениями — но государство при этом лишь противодействует возникновению и использованию монопольной власти. С одной стороны, мероприятия в рамках данного направления проводятся только при условии существенно-го отклонения рыночной структуры от конкурентной, с другой стороны, этот тип отрасле-

Овчинникова Юлия Александровна, аспирант кафедры экономики в энергетике и промышленности ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет "МЭИ"» (Москва), e-mail: U7461139@yandex.ru

вой политики не стимулирует никакого вида производственной активности [2].

Пассивная наступательная отраслевая политика — включает в себя не только ограничение и борьбу с монопольной властью, но и содействие конкретным типам экономической активности. Так, например, налоговые и финансовые льготы для мелких и средних предприятий не укладываются в рамки собственно антимонопольного регулирования, но безусловно способствуют развитию конкуренции. Такая модель экономической политики наиболее близка правительствам, отвергающим активное вмешательство в экономику. Однако ее реализация наталкивается на такие проблемы, как, например, структурная безработица и несбалансированный экономический рост, которые все же могут потребовать от государства принятия более конкретных мер [2].

Основным методом пассивной отраслевой политики государства можно считать снижение барьеров входа на товарный рынок, включающее:

- развитие транспортной доступности;
- упрощение лицензирования;
- налоговые и финансовые льготы на первом этапе.

Все это заставляет лидеров отраслевого рынка учитывать присутствие на нем конкурентов. Поскольку именно высокий уровень концентрации производителей на отраслевом рынке, в совокупности с наличием барьеров для входа на него, дает возможность фирмам назначать цены выше предельных издержек и в итоге получать прибыль не только в краткосрочном, но и в долгосрочном периодах — что, в конечном итоге, и поддерживает рыночную власть этих фирм.

Активная наступательная отраслевая политика — проявляется в виде конкретных, иногда позитивных целей и направленном воздействии государства на решения экономических агентов. Такая политика применяется в любой реформируемой экономике. Возможности и уровень участия государства в отраслевом развитии при этом могут быть различ-

ными. Подобное воздействие государства оказывает наиболее существенное влияние — как положительное, так и отрицательное, — на состояние экономической системы в целом [4].

К мерам активной наступательной политики можно отнести:

- государственные заказы и закупки;
- прямую поддержку развитию НИОКР;
- государственное кредитование.

Политика государства на отраслевом рынке энергомашиностроения

Относительно рассматриваемого в статье отраслевого рынка энергомашиностроения можно сказать, что сегодня государство придерживается на нем активной наступательной политики. Оно не применяет меры антимонопольного регулирования, что подтверждается наличием двух-трех предприятий-лидеров, которые сильно обогнали своих конкурентов, а помогает лидерам в развитии. Кроме того, осуществляется активная поддержка инноваций в виде тендеров, финансовых вложений и государственных контрактов [7].

Можно проследить на этом рынке и меры активно-защитной политики государства, такие, например, как стимулирование экспорта отечественной продукции. Развитие внешних отношений является неотъемлемой частью энергомашиностроения, поскольку некоторые детали для него до сих пор закупаются за рубежом. Кроме того, сегодня ведутся активные переговоры с различными странами о строительстве в них АЭС (например, в Турции, Индии, Болгарии и Иране) [6].

В настоящее время в РФ все сферы производства ориентированы на максимально возможное импортозамещение, и энергетическое машиностроение не является здесь исключением: замена устаревшего станочного парка и развитие инноваций — одни из важнейших задач государства в этой отрасли. Для обновления парка машиностроительной отрасли необходимы современные технологии обработки металлов и современные станки, для чего государство готово поддерживать

комплексные НИОКР госзаказами и финансированием [3].

Минпромторг РФ предложил инструменты государственной поддержки предприятий в зависимости от стадий их жизненного цикла и масштабов. Предприятия энергомашиностроения – крупный бизнес на стадии модернизации (или расширения). Из этого следует, что государство предоставляет им:

1. Субсидирование затрат – осуществляется по процентным ставкам на кредиты на пополнение оборотных средств и (или) на финансирование текущей производственной деятельности (Постановление Правительства РФ от 12.03.2015 г. № 214): до 70% ключевой ставки ЦБ РФ, на НИОКР – по процентным ставкам на кредит до 100% (Постановление Правительства РФ от 30.12.2013 г. № 1312)¹.

2. Поддержка проектов на основе проектного финансирования (кредиты, госгарантии под кредиты) – Правила утверждены Правительством России (Постановление Правительства РФ от 11.10.2014 г. № 1044). Поддерживаются проекты объемом от 1 до 20 млрд руб., финансируемые не более чем на 80% за счет заемных средств [7].

3. Специальные инвестиционные контракты (Минпромторг РФ) (в соответствии с Федеральным законом от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022)). Контракт заключается на срок до 10 лет, предоставляются специальный правовой режим и комплексная поддержка на основе налоговых преференций и иных мер поддержки, а также гарантии неизменности условий инвестирования и комплекса мер поддержки. Поддерживаются проекты в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности в сфере промышленности от 1 млрд руб. [6].

Государство осуществляет несколько мер регулирования и участия на рынке энергомашиностроения:

1. Субсидии и финансовые вложения, которые дают предприятиям возможность вкладывать средства в НИОКР и развивать технологии производства.

2. Договоренности с зарубежными партнерами о строительстве новых электростанций в других странах; развитие рынков сбыта и возможность увеличения прибыли; возможность дополнительных вложений в НИОКР.

3. Контроль за импортом зарубежных деталей (снижение импортозависимости); возможность разработки технологий и налаживания отечественного производства.

4. Поддержка создания и модернизации инфраструктуры промышленных парков; привлечение молодых специалистов; развитие инновационных технологий.

5. Государственный заказ на выполнение НИОКР; оплата части затрат на НИОКР; увеличение прибыли от внедрения результатов НИОКР.

При формировании стратегии разрабатывается также система мер по реализации долгосрочных целей, что позволяет предприятию представить более ясную картину своей будущей деятельности, в том числе:

- выделить основные направления деятельности и определить конкретные меры по развитию;
- учесть возможные изменения результатов деятельности, а также изменения состава потребителей, ассортимента, цен, затрат на производство и реализацию продукции;
- определить сегмент наиболее выгодных потребителей и партнеров на долгосрочную перспективу;
- выявить направления роста конкурентоспособности, способы противодействия конкурентам и концентрации ресурсов;
- оценить риск принимаемых решений, прогнозировать и нивелировать возможные потери [3].

¹ Формы государственной поддержки промышленности. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/GP_razvitie_promyshlenosti_povysh_konkurentosposobnosti.pdf

Что же касается самого предприятия энергомашиностроения, которому нужно выстраивать стратегию деятельности с учетом политики государства, то стратегия позволяет ему определить:

- возможности для развертывания новых каналов коммуникации и распределения товаров и услуг на новых развивающихся рынках;
- корректировку систем управления и (или) изменение их структуры;
- важные направления потребления, которые необходимо осваивать;
- планы по инвестиционному и инновационному развитию;
- преимущества, отличающие планируемые меры от мероприятий конкурентов [3].

Одновременно с формированием стратегии предприятие разрабатывает систему мер по достижению долгосрочных запланированных целей, что позволяет ему представить более ясную картину своей будущей деятельности.

Сегодня можно выделить несколько основных стратегий, подходящих для энергомашиностроительного предприятия:

1. Стратегия диверсифицированного роста (распространение хозяйственной деятельности на новые сферы – расширение ассортимента производимой продукции, видов услуг, географической сферы деятельности; в результате диверсификации предприятия превращаются в сложные многоотраслевые комплексы).

2. Стратегия дифференциации (создание конкурентных преимуществ за счет, например, уникальности товара с целью привлечения новых клиентов).

3. Стратегия инноваций (создание принципиально новых товаров или технологий).

4. Стратегия интегрированного роста (добавление новых структур и расширение внутренних подразделений; самостоятельное производство продукции, без закупок комплектующих).

5. Стратегия концентрированного роста (предприятие пытается завоевать на рынке лучшие позиции, расширить сбыт, не изменяя отраслевых границ).

6. Стратегия лидерства по издержкам (создание конкурентных преимуществ за счет экономии на издержках и эффекта от масштабов).

Таблица 1
Матрица выбора стратегии предприятия в зависимости от государственной политики на отраслевом рынке

		Государственная политика				Итого
		Пассивная защитная	Пассивная наступательная	Активная защитная	Активная наступательная	
Стратегия предприятия	1	+			+	2
	2		+			1
	3		+		+	2
	4			+	+	2
	5				+	1
	6	+				1
	7				+	1
	8				+	1
Итого		2	2	1	6	11

Примечание. Плюсы показывают, что данная стратегия подходит для осуществления ее в реалиях определенной государственной политики, «Итого» считается как сумма плюсов по строкам или столбцам, «Итого» по государственным политикам показывает, что предприятию можно использовать больше вариантов бизнес-стратегий при активно-наступательной политике.

Источник: составлено автором.

7. Стратегия опережения конкурентов (получение сверхприбыли за счет новизны товара).

8. Стратегия фокусирования (концентрация на одном сегменте рынка или на конкретной группе потребителей).

Для выбора предприятием наиболее эффективной стратегии оно должно понимать, какая из них принесет наибольший экономический эффект в условиях действующей государственной политики. Следовательно, предприятию необходимо сопоставить собственную стратегию с политикой государства. (См. табл. 1.)

Из табл. 1 можно заключить, что для рынка энергомашиностроения, на котором применяется активная наступательная политика, наиболее эффективными будут следующие стратегии:

- диверсифицированного роста;
- инноваций;
- интегрированного роста;
- концентрированного роста;
- опережения конкурентов;
- фокусирования.

Естественно, стратегия предприятия не строится только на основе одной из рассмотренных — она может содержать лучшие элементы из нескольких стратегий, что приведет к наибольшей эффективности деятельности компании.

Разработанная стратегия, безусловно, должна удовлетворять целям предприятия, а в идеале учитывать не только его интересы, но и интересы стейкхолдеров. Поэтому необходимо оценить, какая из стратегий, которые могут соответствовать политике государства, приведет не только к наибольшему промышленному росту, но и к удовлетворению запросов стейкхолдеров, поскольку экономический и промышленный рост — одна из главных целей всех участников рынка. (См. табл. 2.)

В табл. 2 представлены интересы стейкхолдеров, комплексное удовлетворение которых можно сравнить с промышленным ростом. Автором были выявлены интересы стейкхолдеров и проставлены плюсы в тех ячейках таблицы, где стратегия удовлетворяет каждый интерес.

Следовательно, для того чтобы достичь промышленного роста, предприятиям энергомашиностроения необходимо разработать стратегию развития с элементами стратегий из табл. 2, а именно:

- 1) стратегии диверсифицированного роста;
- 2) стратегии инноваций;
- 3) стратегии концентрированного роста;
- 4) стратегии опережения конкурентов.

Выводы

Итак, учитывая политику государства и удовлетворение интересов стейкхолдеров, можно сделать вывод, что для промышленного роста предприятия энергомашиностроения должны придерживаться стратегий диверсификации, инновационной, концентрированного роста и опережения конкурентов. Эти стратегии объединены идеей эффективности деятельности на основе разработки новых товаров, что в конечном итоге необходимо для развития энергомашиностроения в РФ.

Объединив существующие подходы к формированию политики государства (см. табл. 1) и стратегии предприятия на основе макроэкономики и стратегического менеджмента в условиях современного энергомашиностроения (см. табл. 2), будет правильным для развития последнего выбрать стратегии диверсифицированного и концентрированного роста. Данные стратегии позволят добиться экономического и промышленного роста не только для предприятия, но и, возможно, для национальной экономики в целом. ■

Таблица 2
Матрица позиционирования интересов стейкхолдеров

Заинтересованные стороны	Выявленные интересы сторон	Стратегии предприятия								Итого	
		1	2	3	4	5	6	7	8		
Предприятие энергомашиностроения (собственники)	Увеличение выручки от продаж энергетического оборудования	+	+	+	+	+	+	+	+	+	6
	Привлечение инвесторов (в том числе субсидий государства)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	6
	Рост конкурентоспособности	+	+	+	+	+	+	+	+	+	8
	Рост стоимости акций на фондовом рынке	+	+	+	+	+	+	+	+	+	5
	Стабильные дивиденды								+	+	3
	Итого	4	5	3	2	3	3	4	4	4	28
Покупатели	Снижение стоимости обслуживания оборудования		+		+						4
	Технологическое усовершенствование оборудования		+	+	+						5
	Расширение ассортимента		+	+	+	+					4
	Итого	2	2	2	2	2	0	2	1	2	13
Поставщики	Увеличение закупок материалов для производства энергетического оборудования		+						+	+	5
	Стабильность заказов		+						+	+	4
	Итого	1	1	1	0	2	2	1	1	1	9
	Новые рабочие места		+		+						4
Население	Превышение роста заработной платы над инфляцией				+				+	+	3
	Снижение стоимости потребляемой электроэнергии							+	+		2
	Итого	1	0	1	2	1	2	2	2	0	9
	Увеличение налоговых выплат		+		+				+	+	4
Государство	Замена импортной/санкционной продукции		+		+				+	+	5
	Преодоление технологического отставания		+		+				+	+	4
	Повышение энергетической безопасности				+				+		4
	Создание инновационной и технологической инфраструктуры		+	+	+	+	+	+	+	+	5
	Итого	3	2	4	4	3	1	4	1	4	22
	Итого по всем стейкхолдерам	11	10	11	10	11	8	13	7	81	

Примечание. Плюсы показывают, что данная стратегия подходит для осуществления ее в реалиях определенной государственной политики. «Итого» считается как сумма плюсов по строкам или столбцам. «Итого» по государственным политикам показывает, что предприятию можно использовать больше вариантов бизнес-стратегий при активно-наступательной политике.

Источник: составлено автором.

Литература

1. Воронин Н.В. Специфика выбора стратегии развития предприятия // Вестник науки и образования. 2019. № 12 (66). С. 17–20.
2. Какава Л.О. Государственная политика регулирования формирования и развития промышленных комплексов // Экономика и управление. 2009. № 2 (41). С. 42–46.
3. Никифорова Д.В., Шувалова Д.Г. Формирование инновационной среды для развития возобновляемой энергетики на территории РФ // Экономические науки. 2022. № 209. С. 135–141. DOI 10.14451/1.209.135.
4. Мамин А.Ш. Особенности осуществления внешнеэкономической протекционистской политики России в современных условиях // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 3.
5. Рукина Е.И., Шувалова Д.Г. Разработка модели баланса интересов регулятора и энергетических компаний на основе примера минимизации транзакционных издержек // Экономические науки. 2018. № 163. С. 75–81.
6. Смирнова Д.А. Разработка экономико-математических моделей управления эффективностью концессией для стейкхолдеров // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1 (138). С. 322–329. DOI 10.34925/EIP.2022.138.1.063.
7. Шувалова Д.Г., Овчинникова Ю.А., Лыкова О.А. Сравнительный анализ отраслевых рынков энергомашиностроительной отрасли и энергетики // E-Management. 2022. Т. 5. № 2. С. 109–120. DOI 10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120.

References

1. Voronin N.V. Specifics of the choice of the development strategy of the organization // Bulletin of Science and Education. 2019. No. 12 (66). Pp. 17–20.
2. Kakava L.O. State policy of regulation of formation and development of industrial complexes // Economy and Management. 2009. No. 2 (41). Pp. 42–46.
3. Nikiforova D.V., Shuvalova D.G. Formation of environment of innovation for the development of renewable energy sector in Russia // Economic Sciences. 2022. No. 209. Pp. 135–141. DOI 10.14451/1.209.135.
4. Mamin A.Sh. Features of implementation of Russia's foreign economic protectionist policy in modern conditions // International Journal of Applied Sciences and Technologies «Integral». 2020. No. 3.
5. Rukina E.I., Shuvalova D.G. Development of a model for balancing the interests of the regulator and energy companies based on the example of minimizing transaction costs // Economic Sciences. 2018. No. 163. Pp. 75–81.
6. Smirnova D.A. Development of economic and mathematical models of concession efficiency management for stakeholders // Journal of Economy and Entrepreneurship. 2022. No. 1 (138). Pp. 322–329. DOI 10.34925/EIP.2022.138.1.063.
7. Shuvalova D.G., Ovchinnikova Yu.A., Lykova O.A. Comparative analysis of industrial markets in the power engineering and energy sector // E-Management. 2022. Vol. 5. No. 2. Pp. 109–120. DOI 10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120.

Choosing a Development Strategy for an Enterprise in the Power Engineering Industry, Taking into Account the Policy of the State and the Interests of Stakeholders

Yulia A. Ovchinnikova – Graduate Student of the Department of Economics in Energy and Industry, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (Moscow, Russia). E-mail: U7461139@yandex.ru

For any commercial enterprise, it is very important to choose the development strategy that is most effective and suitable for modern realities. In addition to state policy in the market, stakeholders also influence the choice of development strategy. Their interests set tasks for the enterprise. Based on them, the company chooses a strategy that will satisfy the largest number of stakeholders.

In consequence of the foregoing, the author has developed a matrix for choosing an enterprise development strategy, taking into account state policy and the interests of stakeholders, using the power engineering industry as an example.

Key words: development strategy, public policy, stakeholders, power engineering, state regulation.

JEL-codes: G18; H71; Q48.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (январь-апрель 2023 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
Т. В. СЕРЖАНТОВА

В январе 2023 г. уровень загрузки наличной рабочей силы составил 98% (от нормального месячного уровня, принимаемого за 100%) — это максимальное значения за всю историю наблюдений «Российского экономического барометра», хотя оно уже достигалось в марте 2022 г. Весьма оптимистично выглядели диффузные индексы ожидаемых через три месяца изменений показателей заработной платы (69%), портфеля заказов (64%), занятости (60%), финансового положения (55%) и, особенно, выпуска (67%), который относительно предыдущего месяца прибавил сразу 24 пункта. Доля согласных с экономической политикой правительства достигла максимального значения за всю историю наблюдений (41%), но такой высокой она уже была в сентябре 2022 г., а доля несогласных упала до 0% впервые.

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей, банкротство, экономическая политика, продолжительность кризиса.

JEL: D22, D24, G31, L23, P23.

ЯНВАРЬ 2023 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 17% предприятий — участников опроса, о неизменности сообщили 62%, о повышении — 21%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 61%, не менялись — у 32% и у — 7% снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 20% респондентов, благоприятный — 2%. По мнению остальных 78%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали представители лесопромышленного комплекса (57%) и легкой промышленности (35%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили около 47% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — 37%, о снижении — 16%. В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц увеличилась на 1% (в предыдущем месяце выросла на 4%).

Средний уровень заработной платы составил 44 000 руб. Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили 98 000 руб.

Занятость и производство

Около 60% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 19% отметили ее сокращение и 21% — увеличение.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 20% руководителей, 24% отметили сохра-

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; *Егоров Андрей Станиславович*, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; *Баширова Инесса Анатольевна*, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: bashirova@imemo.ru; *Сержантова Татьяна Валентиновна*, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: serzhanтова@imemo.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

нение прежних объемов выпуска и 56% – уменьшение.

Инвестиции

Около 10% респондентов отметили рост закупок оборудования, 36% указали на неизменность данного показателя и 17% – на его сокращение. Остальные – 38% предприятий – не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в декабре 2022 г. – 28%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 86% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад – 93%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 56% предприятий остался неизменным, у 20% он пополнился и у 24% – «похудел». Рост заказов отмечали в основном в химической промышленности (50%) и в машиностроении (36%).

В среднем по выборке объем заказов составил 91% от нормального месячного уровня (в декабре – 96%). Самым высоким уровень заказов в январе 2023 г. оказался в легкой

(118%) и в химической (111%) промышленности, а также в машиностроении (98%), а самым низким он был в лесопромышленном комплексе (66%) и у производителей строительных материалов (78%).

Запасы готовой продукции

Около 24% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 21% отметили их уменьшение и около 53% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 87% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад – 88%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы в химической (115%) и в легкой (92%) промышленности, а самыми незначительными – у производителей строительных материалов (48%) и в машиностроении (80%).

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 87% от нормального уровня (в предыдущем опросе – 88%). Около 10% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 57% – более чем на 9/10.

Таблица 1

Отраслевые показатели за январь 2023 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Портфель заказов	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	89	92	89	92	73	89
Машиностроение и металлообработка	92	108	80	98	98	100
Химия и нефтехимия	90	96	115		77	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	72	91	91	66	-	44
Производство стройматериалов	85	80	48	78	65	100
Легкая промышленность	102	120	92		118	67
Пищевая промышленность	85	92	81	89	78	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	87	98	87	91	86	83

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, в %.

Источник: опросы РЭБ.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия легкой промышленности (102%), машиностроения (92%) и химической промышленности (90%), а самой низкой она была в лесопромышленном комплексе (72%), в пищевой отрасли и у производителей строительных материалов (по 85%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 98% от нормального уровня (в предыдущем месяце — 95%). Ни на одном из предприятий выборки рабочая сила не была занята менее чем на 1/2, а у 81% участников опроса ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 10% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», 73% посчитали его «нормальным» и 18% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Угроза банкротства

В ближайшие один-два года она представляется реальной 8% предприятий, нереальной ее считают 63%, остальные затруднились с оценкой.

Экономическая политика

Экономическую политику правительства последних трех-четырех месяцев понимали 44% руководителей промышленных предприятий, а соглашался с ней — 41%. Не понимающих и не согласных было 9 и 0% соответственно. Остальные затруднились с оценкой. Около 71% опрошенных видят главную задачу правительства в стимулировании производства, а 12% — в замедлении инфляции.

Продолжительность кризиса

Около 7% руководителей обследованных предприятий считают, что идет экономический рост. По мнению остальных респондентов, кризис будет продолжаться еще около 5 лет. Это на 0,7 года меньше показателя квартальной давности (5,7 года).

ПРОГНОЗЫ НА АПРЕЛЬ 2023 г.

Цены

Подорожание своей продукции к апрелю 2023 г. (по сравнению с январем 2023 г.) предсказывают 38% респондентов, 50% не ждут изменений, а у 12% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 73, 22 и 5%.

Средний по выборке ожидаемый к апрелю 2023 г. прирост цен составит 2%, в том числе 1% для производимой и 3% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются представители легкой промышленности: их оценки трехмесячного роста «входящих» цен на 5 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежутке от 0 до 4 пунктов. В то же время производители строительных материалов ожидают положительного ценового сдвига.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 42%, понижения — 5% и сохранения на прежнем уровне — около 53% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата увеличится на 2%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают около 7% участников опроса, у 66% она не изменится, а у 27% — возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 24% респондентов, рост — 57%, остальные 19% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 37%, не изменится — у 54% и «похудеет» — у 10% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали в машиностроении (55%), производители строительных материалов, металлурги и химики (по 50%).

Инвестиции

По сообщению 38% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки увеличатся на 6%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 16% предприятий выборки, не изменится – у 21% и у 26% – уменьшится. Остальные – 37% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 8% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 18% предприятий, 10% предполагают его ухудшение и примерно у 73% оно не изменится. (См. табл. 2.)

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В январе 2023 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 36% производителей потребительских товаров и 14% – инвестиционных. Ощутивших улучшение в первом секторе оказалось 9%, а во втором таковых не было.

Предполагается, что к апрелю 2023 г. цены на продаваемую продукцию уменьшатся на 1% в секторе потребительских товаров и увеличатся на 1% в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, возрастут на 3% как в первом, так и во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В январе 2023 г. она составила 84% в потребительском и 86% – в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 87% от нормального месячного уровня в первом секторе и 91% – во втором.

Роста заказов через три месяца ожидают 36% предприятий потребительского и 36%

Таблица 2

Отраслевые прогнозы на апрель 2023 г., в % (январь 2023 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	102	103	102	101	100	10	66	75
Машиностроение и металлообработка	102	104	103	101	104	7	54	73
Химия и нефтехимия	102	105	109	103	127	7	50	75
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	98	102	99	98	100	6	42	37
Производство стройматериалов	108	102	105	100	120	12	50	75
Легкая промышленность	100	105	103	98	100	10	33	49
Пищевая промышленность	101	101	103	100	100	11	60	60
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	101	103	102	100	106	8	55	64

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (в %), чей показатель к апрелю 2023 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

инвестиционного сектора, а уменьшения — 18% в первом и 5% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в январе 2023 г. его оценили 30% производителей потребительского и 14% инвестиционного сектора, как «нормальное» — 60% предприятий в первом и 73% во втором секторе. В потребительском секторе 10% руководителей оценили финансовое состояние своего предприятия как «хорошее»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 14%.

К апрелю ожидают улучшения своего финансового состояния 20% производителей потребительского сектора и 9% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 20% в первом секторе и 9% во втором.

СРАВНЕНИЕ ЯНВАРЯ 2023 Г. С ЯНВАРЕМ 2022 Г.

Соотношение цен и издержек

Баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен немного улучшился: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 25% респондентов, а благоприятный — 3%; в январе 2023 г. таковых было 20 и 2% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 20%, о снижении — 17% предприятий; ныне — 47 и 16% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в январе 2022 г. составила 23:8, а в январе 2023 г. — 19:21.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2022 г. — 64:18, а в 2023 г. — 56:20.

Инвестиции

Увеличилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более ме-

сяцев подряд: с 33% в январе 2022 г. до 38% ныне.

Кредит

Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год сократилась на 13 п.п.: с 99% (от нормального месячного уровня) в январе 2022 г. до 86% в январе 2023 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время выросла на 6 п.п.: с 57% в 2022 г. до 63% ныне.

Портфель заказов

Немного ухудшился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополнившимся портфелем и «похудевшим» составляла 28:28, а ныне — 20:24. Его относительная наполненность за это время увеличилась на 3 п.п.: с 88% в 2022 г. до 91% в 2023 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В худшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в январе 2022 г. оно равнялось 23:25, а в январе 2023 г. — 24:21. При этом относительный объем запасов за год увеличился на 2 п.п.: с 85% в 2022 г. до 87% в 2023 г.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она увеличилась: с 82% (относительно нормального месячного уровня) в январе 2022 г. до 87% в январе 2023 г. При этом доля предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, не изменилась: 10% в 2022 г. и 10% в 2023 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, возросла на 6 п.п.: с 51% в 2022 г. до 57% 2023 г.

Загрузка рабочей силы

За год она основательно увеличилась: с 90% (от нормального уровня) в январе 2022 г. до

Диффузные индексы, в %

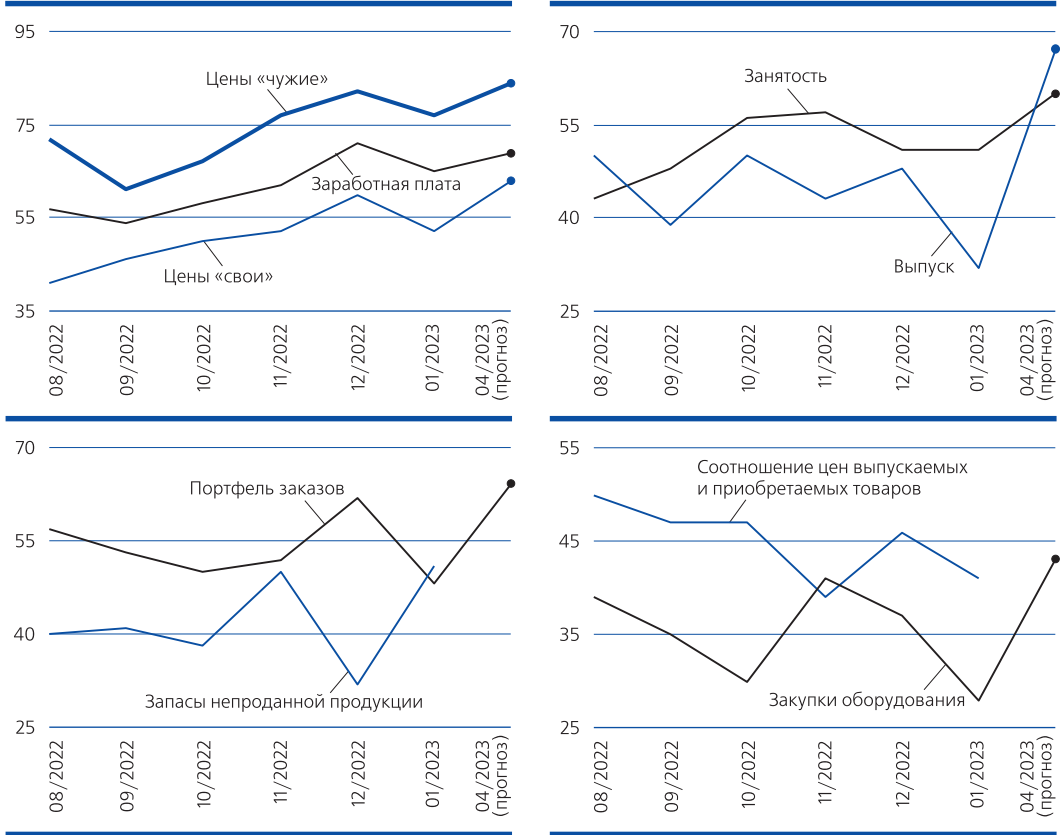

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	08/22	09/22	10/22	11/22	12/22	01/23	04/23 (прогноз)**
Цены «свои»	41	46	50	52	60	52	63
Цены «чужие»	72	61	67	77	82	77	84
Заработная плата	57	54	58	62	71	65	69
Занятость	43	48	56	57	51	51	60
Выпуск	50	39	50	43	48	32	67
Портфель заказов	57	53	50	52	62	48	64
Запасы непроданной продукции	40	41	38	50	32	51	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	50	47	47	39	46	41	-
Закупки оборудования	39	35	30	41	37	28	43

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0,5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Апрель 2023 г. по сравнению с январем 2023 г.

Источник: опросы РЭБ.

98% в январе 2023 г. В 2022 г. на 5% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий не оказалось.

Финансовое положение

Доля финансово благополучных предприятий немного возросла: с 80% в 2022 г. до 83% в 2023 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен понизился: с +1,5% в январе 2022 г. до +0,7% в январе 2023 г.

В худшую сторону изменился прогноз по балансу портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 46% и 5% предполагали

его сокращение; ныне – соответственно 37 и 10%.

Ухудшился показатель инвестиционной активности предприятий: год назад около 32% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 38%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 16% предприятий ожидали ее роста, а 16% – сокращения; в январе 2023 г. эти показатели составили 16 и 26% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 21%, а ухудшения – 18% предприятий; ныне эти показатели составили 18 и 10% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	-1	-2	0	0	-7	0
Машиностроение и металлообработка	0	+1	0	0	-4	-3
Химия и нефтехимия	+3	-24	+3	+4	+47	+2
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	-4	-4	-3	-2	0	-5
Производство стройматериалов	+4	-4	+2	+9	+18	+3
Легкая промышленность	-5	-5	-2	-2	0	-3
Пищевая промышленность	-1	-1	+2	0	0	-6
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	-2	-3	-1	+1	+4	-2

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в январе 2023 г. и в январе 2022 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

Survey of Current Business (January-April 2023)

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Tatyana V. Serzhantova – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: serzhantova@imemo.ru

In January 2023, labor utilization rate reached 98% (of the normal monthly level, taken as 100%). This is the maximum value in the entire history of REB's observations, although once already seen in March 2022. The diffusion indices of expected in three months changes of the indicators of wages (69%), order-book level (64%), employment (60%), financial condition (55%) looked very optimistic. The expected in three months diffusion index of output (67%), which increased by considerable 24 points from last month can be especially pointed out. The share of those who approved of the economic policy reached the highest value in the history of observations (41%), but it was already so high in September 2022, and the share of disapproving ones fell to 0% for the first time ever.

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation, production restrictive factors.

JEL-codes: D22, D24, G31, L23, P23.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Е. Е. КАБАНОВА

В статье оценивается влияние международных санкций на отечественный сельскохозяйственный комплекс. Поскольку стабильность трансграничной торговли является существенным фактором развития российского сельского хозяйства в условиях непрерывного роста экспорта продовольствия, сопровождаемого значительной величиной технологического импорта, то предпринят анализ рисков внешнеэкономической деятельности в этой сфере. В ходе исследования отмечен высокий уровень зависимости от экспорта ряда сельскохозяйственных продуктов и выделены негативные аспекты высокого уровня импорта товаров для нужд агропромышленного комплекса.

При анализе использовались данные Росстата, информация ФТС и Минпромторга России. Выводы исследования могут быть полезны специалистам в области статистики агропромышленного комплекса, а также при разработке программ поддержки отечественного сельского хозяйства и отдельных аспектов продовольственной доктрины России.

Ключевые слова: сельское хозяйство, внешняя торговля, экспорт, импорт, импортозамещение, риски, санкции.

JEL: Q1, F13.

Введение

Российское сельское хозяйство в течение двух последних десятилетий демонстрировало значительные успехи благодаря постоянно растущей государственной поддержке сектора [3]. Полностью или в основном достигнута продовольственная независимость страны по ряду важнейших сельскохозяйственных продуктов: мясу, зерну, масличным культурам и продуктам их переработки, сахару и сырью для его производства. Разумеется, текущие показатели сельхозсектора далеки от полного продовольственного обеспечения и потенциал для импортозамещения исчерпан не в полной мере.

Кроме удовлетворения внутренних потребностей и замещения импортных поставок в ряде направлений наметилась тенденция к экспансии отечественных сельхозпроизводителей на мировые продовольственные рынки. В частности, в 2021 г., по данным ежегодника International Trade Statistics Yearbook, Россия заняла первое место в мире по экспорту пшеницы и

4-е по поставкам ячменя, тогда как до начала 2000-х годов она являлась устойчивым нетто-импортером зерновых. Кроме того, в настоящее время страна является крупным поставщиком на мировые рынки семян подсолнечника (2-е место в мире в 2021 г.), нерафинированных растительных масел (4-е), маргарина (7-е), кормов для животных (13-е — в основном соевого шрота, жмыхов и свекловичного жома) и ряда других продовольственных продуктов.

В связи со значительной экспортной ориентацией российского сельхозпроизводства отечественные аграрии после введения в 2022 г. санкций против РФ оказались в состоянии неопределенности в части реализации своей продукции на внешних рынках и импортных поставок необходимых для развития производства сырьевых ресурсов. И если с экспортом продовольствия ситуация более или менее разрешима ввиду значимости России для поддержания продовольственной стабильности развивающихся стран, то положение с технологическим импортом значительно осложнилось. В основ-

Кабанова Елена Евгеньевна, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве РФ, канд. социол. наук (Москва), e-mail: Kabanovae@list.ru

ном это вызвано тем, что большая часть таких поставок осуществлялась из «недружественных» государств. Вместе с тем и экспорт сельхозпродукции в страны коллективного Запада также находится в зоне возможного запрета, в связи с чем необходимо изыскивать пути дальнейшей диверсификации поставок продовольствия на развивающиеся рынки.

Таким образом, существенными проблемами для развития отечественного сельского хозяйства в условиях санкций являются два направления, оба связанные с внешнеторговой деятельностью, — экспорт продукции и импорт сырья и технологий.

Цель исследования

Целью работы является оценка влияния международных санкций на отечественное сельское хозяйство. Исходя из значительной роли внешней торговли для агропромышленного комплекса РФ [2; 8] в перечень задач исследования входят как оценка его зависимости от экспорта продукции, так и анализ необходимости обеспечения технологического импорта для развития конкретных направлений сектора. Поскольку именно эти аспекты деятельности сельского хозяйства находятся в зоне наибольшего риска вследствие введения санкций против РФ в 2022 г.

Материал и методы исследования

Если рассматривать направления сельскохозяйственного комплекса в разрезе объема выручки, то наиболее значимыми из них будут производство мяса, выращивание зерновых и зернобобовых культур, молочное производство и масличные культуры. В сумме на них приходится порядка 85% выручки сельхозпроизводителей. Поэтому влияние санкций и перспективы развития отечественного агропромышленного комплекса в условиях международных санкций целесообразно рассматривать на примере этих крупнейших направлений.

Одной из ключевых провозглашенных целей западных санкций является создание помех российской торговле или, другими сло-

вами, торговая изоляция страны [5]. Реализация этой цели ставит под угрозу российские трансграничные перемещения грузов, крайне отрицательно сказываясь, в том числе, на развитии сельского хозяйства, так как важнейшие его направления значимо зависят от экспорта готовой продукции. Поэтому целесообразно рассмотреть общий объем производства основных видов сельхозпродукции и экспортную составляющую в их производстве [7].

Так как США, страны ЕС и примкнувшие к ним страны постоянно увеличивают список санкционных ограничений в торговле с Россией, логично оценивать экспорт сельхозпродукции и импорт сырья и ресурсов из этих государств как подверженные риску полного прекращения. Поэтому в исследовании доля внешнеторговых операций с «недружественными» государствами выделена отдельно.

Информация об объемах производства, а также некоторые данные о внешней торговле получены из публикаций Росстата («Российский статистический ежегодник», «Балансы товарных ресурсов», «Бюллетени о состоянии сельского хозяйства»). Данные о внешней торговле взяты с ведомственного сайта ФТС. Сведения о положении отечественной животноводческой отрасли, касающиеся доли в ней технологического импорта, позаимствованы из работы Л.В. Поповой [6]. Зависимость российского птицеводства от зарубежных поставок исследована в работе А.В. Буярова [1], материалы которой также использованы в настоящей статье.

Основными научными методами, используемыми в настоящей работе, являются анализ и синтез. Обработка данных и описание динамики статистических индикаторов сельскохозяйственной отрасли осуществлялись с применением табличного и графического методов.

Результаты исследования и их обсуждение

В силу климатических особенностей, а также адресной государственной поддержки производства отдельных продуктов некоторые на-

правления отечественного сельского хозяйства развивались за последние годы опережающими темпами. В результате основная выручка российских аграриев к настоящему времени складывается прежде всего за счет реализации зерновых и масличных культур, а также мяса и молока; доля остальных направлений в общем доходе сельхозпроизводителей незначительна. Для подтверждения этого тезиса рассмотрим структуру выручки сельхозпроизводителей в 2021 г. в разрезе отдельных видов продукции. (См. табл. 1.)

Как видно из табл. 1, наиболее существенными для российских сельхозпроизводителей направлениями являются (в порядке убывания удельного веса в выручке) реализация мяса, зерна, молока и масличных культур – на них суммарно приходится 85,6% всех доходов и у каждого из этих направлений удельный вес в выручке превышает 14%. Реализация остальных видов сельхозпродукции по отдельности незначительна в общеотраслевом масштабе, поэтому их рассмотрение мы считаем нецелесообразным и сосредоточимся лишь на наи-

более значимых отраслях агропромышленного комплекса.

Реализация масличных плодов и семян находится в прямой зависимости от объемов их использования для производства растительных масел. Так как маслоэкстракционная отрасль пищевой промышленности является экспортно ориентированным направлением, то внешняя торговля растительными маслами также будет рассмотрена в данной работе.

Экспортная составляющая сельскохозяйственного производства

Чтобы оценить перспективы основных направлений агропромышленного комплекса в условиях западных санкций, рассмотрим производство и внешнюю торговлю соответствующими продуктами. Как было уточнено выше, отдельно выделены их поставки в «недружественные» страны и импорт из них. (См. табл. 2.) Далее будут рассмотрены экспортные риски по таким поставкам и, напротив, перспективы возможного сокращения конкурентного импорта из «недружественных» стран.

Таблица 1
Выручка сельхозпроизводителей в 2021 г.

Вид продукции	Объем выручки, млн руб.	Доля в общей выручке, в %
Скот и птица	1545 228	31,1
птица	574 326	11,6
свинина	595 610	12,0
КРС	319 106	6,4
Зерно и зернобобовые, млн т	1298 964	26,1
Молоко	711 495	14,3
Семена и плоды масличных культур	701 557	14,1
Яйцо	192 082	3,9
Овощи и бахчевые	155 900	3,1
Сахарная свекла	138 012	2,8
Картофель	126 160	2,5
Фрукты и ягоды	69 098	1,4
Виноград	21 595	0,4
Мед	10 084	0,2
Шерсть	1660	0,0
Итого	4971 836	100

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Как следует из данных табл. 1 и 2, у сельскохозяйственного направления по размеру выручки — мясного — показатели внешней торговли мясом и мясoproдуктами невысоки: доли экспорта и импорта у них незначительны по сравнению с величиной внутреннего производства. Хотя если рассматривать мясное животноводство по отдельным отраслям, можно видеть все еще значительную роль импорта в обеспечении потребностей населения в говядине. Экспортные же составляющие в производстве мяса птицы, свинины и говядины невелики и составляют порядка 4–6%.

В сложившейся на сегодня экономико-политической ситуации важным обстоятельством является то, что на «недружественные» страны приходится незначительный объем внешней торговли мясoproдуктами. С одной стороны, это свидетельствует о низких экспортных рисках, но с другой — об отсутствии возможностей импортозамещения в данном секторе импорта в результате ограничения ввоза продукции этого вида из «недружественных» стран. В связи с этим те или иные препятствия в российской внешней торговле продовольствием мало отразятся на мясном рынке. Аналогичный вывод можно сделать и примени-

тельно к молочному животноводству — экспорт молочных продуктов вообще практически незаметен на фоне его значительного производства. Ввоз молока из-за рубежа (около 17–18% общего потребления ежегодно) осуществляется в основном из Белоруссии, а «недружественные» страны после введения контрсанкций в 2014–2015 гг. перестали играть заметную роль в российском молочном импорте.

Таким образом, российское мясомолочное животноводство, на которое в 2021 г. пришлось примерно 45% выручки сельхозпроизводителей (см. табл. 1), не испытает острого шока от возможного санкционного сокращения экспорта готовой продукции в силу невысокой доли экспортной составляющей в производстве. Импорт молока, как отмечено выше, осуществляется главным образом из Белоруссии, и сценарий разрыва торговых отношений с союзной нам страной представляется маловероятным. Под возможной угрозой, при дальнейшем усилении санкционного давления на РФ, могут оказаться только импортные поставки говядины из развивающихся стран (это в основном государства Южной Америки).

Таблица 2

Производство и внешняя торговля некоторыми видами сельхозпродукции в 2021 г., тыс. т

Вид продукции	Производство	Экспорт	В том числе в «недружественные» страны	Доля экспорта в производстве, в %	Доля экспорта в «недружественные» страны в общем экспорте, в %	Импорт	В том числе из «недружественных» стран
Скот и птица	11 346	633,6	61,3	5,6	9,7	620,8	0,1
птица	4987,8*	304,6	27,3	6,1	9,0	242,2	0,0
свинина	3639,5*	180,8	33,8	5,0	18,7	9,5	0,0
КРС	877,3*	36,8	0,2	4,2	0,5	287,0	0,1
Зерновые, млн т	121,4	34,7	3,6	28,6	10,4	0,2	0,1
Молоко	32 340	806,2	43,3	2,5	5,4	6890	28,8
Семена и плоды масличных	24 850	2141	361	8,6	16,9	2359	198
<i>Справочно: растительные масла</i>	6742	3672	577	54,5	15,7	1454	54,0

* – Товарное производство.

Источник: составлено автором по данным Росстата и ФТС.

Что касается зернового направления сельского хозяйства, то оно в гораздо большей степени зависит от поставок на внешние рынки. В первую очередь это касается пшеницы, на которую приходится почти 78% российского экспорта зерна и порядка 30% урожая которой вывозится за границу. Основными направлениями таких поставок являются страны СНГ, Ближнего Востока и Африки, прежде всего Турция, Египет, Казахстан, Азербайджан и Нигерия.

Главный торговый маршрут российского зерна проходит через Черное море и его турецкие проливы. Поскольку Турция занимает 4-е место в мире по объемам импорта пшеницы, 67% ввоза которой приходится на РФ, то она, находясь в зависимом положении от российского зернового импорта, крайне заинтересована в выведении из-под санкций российской внешней торговли зерном (любые ограничения поставок из России, помимо прочего, крайне негативно скажутся на социально-политической обстановке в стране). В схожей ситуации находится и Египет – 5-е место в мире по объемам импорта пшеницы, 63% которой поставляется из России.

Следует отметить, что крупнейшими в мире импортерами пшеницы (1–5-е места в порядке убывания) являются Индонезия, Китай, Нигерия, Турция и Египет. Но Россия, основной экспортер зерна, продает его только в три последние страны. Продажи в Китай невелики (менее 100 тыс. т), а в Индонезию Россия пшеницу практически не вывозит. Как сказано выше, российский сельскохозяйственный экспорт направлен в основном в страны СНГ, Африки и Ближнего Востока, тогда как Индонезия, Китай и дальневосточные рынки в целом в этом плане почти не освоены. Прежде всего это объясняется большой удаленностью дальневосточных портов от мест основного производства. Но в случае значительных препятствий торговле через черноморские и балтийские порты в результате эскалации ситуации на Украине и западной границе в целом придется в срочном

порядке переориентировать поставки зерновых на восточное направление. В противном случае российские аграрии столкнутся с серьезными проблемами, вызванными трудностями реализации произведенной продукции. Поэтому, чтобы заранее подготовить отрасль к самым негативным последствиям разрыва экономических отношений со странами коллективного Запада, целесообразно рассмотреть необходимость налаживания экспорта продовольствия в азиатские страны [4].

Производство масличных культур является наиболее экспортно ориентированным направлением российского агросектора: около 9% семян и плодов масличных и более половины производимых из семян масел непосредственно реализуется на внешних рынках – в итоге до 60% урожая масличных прямо или косвенным образом ориентировано на экспортную реализацию. 17% экспорта семян и 16% вывоза растительных масел осуществляется в «недружественные» государства, но, ввиду высокого спроса на мировом рынке на растительные масла, в случае выпадения этих объемов поставок в результате санкций их будет несложно переориентировать на развивающиеся рынки.

Россия сегодня закрывает незначительную часть потребности в растительных маслах Индии и Китая – крупнейших мировых импортеров этой продукции (суммарно 23% мирового импорта в 2021 г.). И, исходя из общей сухопутной границы с Китаем и возможности налаживания торговых маршрутов через Иран в Индию, целесообразно развивать экспорт растительных масел в эти страны ввиду низкой санкционной опасности данных направлений.

Импортируемые в РФ растительные масла поступают на внутренний рынок в основном из стран Азии. Ввозятся преимущественно пальмовое, кокосовое и рапсовое масла. Относительно небольшие объемы оливкового масла (25 тыс. т в 2021 г.) были ввезены из стран Евросоюза.

Проблемы технологического импорта

Технологический импорт для нужд агропромышленного комплекса включает в себя значительный перечень оборудования и ресурсов, необходимых для ведения современного сельского хозяйства. В этой работе мы постарались максимально полно охватить весь спектр сельскохозяйственного импорта. В табл. 3 и 4 отражена зависимость от импорта следующих ресурсов для растениеводства и животноводства, а также переработки сельхозпродукции: семян, племенного скота, птицы и семенного материала для КРС, оборудования для птицеводства, средств защиты растений, а также функциональных компонентов и добавок для кормопроизводства.

Как видно из табл. 3, отечественное растениеводство находится в высокой технологической зависимости от импорта ряда важнейших ресурсов – семян и средств защиты растений. Усугубляет ситуацию то, что практически весь спектр семенного материала ввозится из стран Евросоюза. Только по зерновым отечественное семеноводство в целом обес-

печивает приемлемый уровень снабжения, тогда как семена сахарной свеклы, рапса, картофеля, подсолнечника – в основном европейского происхождения, что в санкционных условиях недопустимо. Однако высока вероятность того, что текущая ситуация продлится как минимум еще несколько лет, так как налаживание собственного производства семян – отнюдь не быстрый процесс.

Уровень зависимости от импорта средств защиты растений (СЗР) составляет около 40%, что кажется относительно небольшой величиной, хотя 2/3 ввоза здесь снова приходится на «недружественные» страны. И аграрии уже в 2022 г. столкнулись с рядом проблем, связанных с перебоями или отказом в поставках гербицидов, инсектицидов и фунгицидов.

Практически весь объем действующих веществ для производства СЗР ввозится из Китая; отечественные изготовители готовых форм даже организовали в этой стране собственные производства с целью их экономической оптимизации [8]. Таким образом, фактически зависимость отечественного растениеводства от импорта СЗР должна оцениваться как пол-

Таблица 3
Импорт семенного материала и средств защиты растений в 2021 г.

Наименование позиции	Доля импорта в потреблении, в %	Импорт		В том числе из «недружественных» стран, млн долл.	Доля в импорте «недружественных» стран, в %
		т	млн долл.		
Сахарная свекла	97	4,1	106,5	104,8	98,5
Рапс озимый	89	9,7	41,1	38,2	93,0
Картофель	65	17,5	11,9	10,1	84,9
Подсолнечник	73	26,5	251,2	149,0	59,3
Кукуруза	55	28,0	108,0	94,3	87,3
Рапс яровой	49	9,7	41,1	38,2	93,0
Ячмень яровой	22				
Ячмень озимый	8	0,7	0,9	0,9	98,6
Яровая пшеница	16	1,2	1,7	1,3	77,2
Овес	7	0,1	0,1	0,1	91,1
Тритикале озимая	4	1,2	1,7	1,3	77,2
Озимая пшеница	3	1,2	1,7	1,3	77,2
Средства защиты растений, тыс. т	41	105	808	536	66,4

Источник: составлено автором по данным Минпромторга России и ФТС, [8].

ная, а применение в РФ современных агротехнических методов в растениеводстве во многом зависит от политического курса Китая в санкционном вопросе.

Из данных табл. 4 можно заключить, что животноводческое направление российского сельского хозяйства находится в еще более подчиненном состоянии по отношению к импорту, чем растениеводство. Возможно, если бы работа с отечественными породами не прекратилась с развалом СССР в 1990-х годах и целью российского производителя был бы не сиюминутный заработок, то отечественные породы были бы более конкурентоспособны и давали бы больше качественной продукции [6]. Но к настоящему времени ситуация в этой отрасли не вызывает оптимизма. Если в ското-

водстве (КРС) и свиноводстве положение с породами может считаться условно удовлетворительным, то птицеводство практически полностью обеспечивается как с племенной, так и с технологической точек зрения за счет европейских поставок. И санкционные запреты на доступ России к европейским товарам данного профиля могут привести к непредсказуемым последствиям в российском птицеводстве; в том числе это касается и оборудования для переработки.

Значительные риски существуют также и в производстве кормов. Если сами по себе основные компоненты (зерно, свекловичный жом, соевый шрот и т.д.) кормов производятся в стране в достаточных количествах, то добавки в рационах кормления животных поставля-

Таблица 4
Импорт оборудования и ресурсов для животноводства в 2021 г.

Промежуточный продукт или производственный ресурс	Доля импорта в потреблении, в %	Импорт		В том числе из «недружественных» стран, млн долл.	Доля в импорте «недружественных» стран, в %
		т	млн долл.		
Живой КРС племенной, шт.	36	56 064	126,3	124,2	98,3
Семенной материал (КРС)	40	3,151	25,7	25,7	99,9
Живые свиньи племенные, шт.	Н.д.	11 020	17,5	17,5	100
Племенное яйцо (бройлеры), млн шт.	90	651	310,2	229,2	73,9
Племенной бройлер, млн шт.	95	3,2	17,6	16,8	95,2
Инкубаторы, шт.	70	19 111	5,9	5,4	90,9
Оборудование для выращивания птицы на мясо	70-75	...	1123	886	78,9
Оборудование для выращивания кур-несушек, тыс. шт.	60	95,8	63,3	62,7	99,1
Оборудование для переработки мяса птицы, тыс. шт.	90	81,4	87,8	75,3	85,8
Оборудование для сортировки и переработки яиц, шт.	80	507	34,6	32,6	94,2
Микробный кормовой белок, тыс. т	70	294	517,4	425,0	82,1
Лизин, тыс. т	40	43,1	64,0	0,6	1,0
Валин, триптофан, тыс. т	100	24,0	116,6	32,7	28,0
Треонин, тыс. т	100	41,8	94,1	5,1	5,4
Аргинин, тыс. т	100	1,6	55,3	48,6	87,8
Метионин, тыс. т	65	33,4	85,4	78,0	91,3
Холин-хлорид кормовой (витамин В4), тыс. т	100	23,2	24,0	5,0	20,7

Источник: составлено автором по данным Минпромторга России и ФТС, [1; 6].

ются по импорту (в основном из Китая). Полностью или практически полностью закрывается ввозом потребность кормовой отрасли в витаминах, ферментах, микроэлементах, нейтрализаторах микотоксинов, аминокислотах, пребиотиках и пробиотиках. При этом поставки кормового белка, аргинина и метионина осуществляются в основном из Бельгии, Франции и Японии, что, в условиях постоянно нарастающего санкционного давления, создает высокие риски для стабильности работы кормопроизводства и животноводства в целом.

Выводы

В ходе исследования установлено, что стабильность российской внешней торговли является важным фактором устойчивого функционирования отечественного агропромышленного комплекса. Это связано как с высокой долей экспорта в производстве ряда сельхозпродуктов (зерна, масличных культур и растительных масел), так и со значительной импортной составляющей в снабжении сельскохозяйственного сектора оборудованием и другими ресурсами.

Особую озабоченность вызывает высокая доля импорта в обеспечении нужд животноводческой отрасли, где наиболее сильна зависимость от технологического импорта с территории «недружественных» государств. Это касается как оборудования, так и племенного скота, и семенного материала. В частности, отечественное птицеводство практически полностью зависит от поставок из стран Евросоюза и, соответственно, от принимаемых ими политических решений.

Кормовая отрасль находится в практически полностью подчиненном положении к поставкам функциональных добавок, ферментов, витаминов и микроэлементов. Несколько смягчает ситуацию то, что основным поставщиком сырья для отечественного кормопроизводства является Китай. Однако следует понимать, что в условиях непростой геополитической обстановки в мире 100%-ная зависимость от поставок важнейших компонентов для нормального функционирования сельскохозяйственного комплекса очень рискованна, поскольку продолжает оставаться вероятность ограничения или срывов таких поставок. ■

Литература

1. Буюров А.В., Буюров В.С., Воронцова Е.В. Развитие мясного птицеводства России в современных экономических условиях // Вестник аграрной науки. 2022. № 2 (95). С. 99–112.
2. Гаджимирзоев Г.И., Федосьина А.В., Кабанова Е.Е., Степаненко И.Ю. Перспективы пищевой промышленности регионов России в условиях санкций // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 11 (93). С. 187–196.
3. Ганиев Ж., Байгоношова Д. Текущее состояние и меры государственной поддержки сельского хозяйства в странах ЕАЭС // Реформа. 2019. № 4 (84). С. 36–45.
4. Нефедова Т.Г. Геоэкономические изменения агрокомплекса России в новых геополитических условиях // Региональные исследования. 2022. № 2 (76). С. 4–15.
5. Плотников В.А. Продовольственное обеспечение населения: устойчивость и безопасность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 15–19.
6. Попова Л.В., Лата М.С., Мелихов П.А., Лазарева В.А. Экономические проблемы племенного животноводства в контексте развития регионального АПК // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44 (6). С. 251–255.
7. Савватеев Е.В., Гаджимирзоев Г.И., Федосьина А.В., Бураев Ф.В. Российская пищевая промышленность и сельское хозяйство в условиях санкций – пути решения проблем и дальнейшего развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 6 (88). С. 65–74.
8. Тарасова О.Б. Продовольственная безопасность России как комплекс взаимосвязанных факторов // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/49ECVN222.pdf>

References

1. Buyarov A.V., Buyarov V.S., Vorontsova E.V. Development of poultry farming in Russia in modern economic environment // Vestnik Agrarnoy Nauki. 2022. No. 2 (95). Pp. 99–112.
2. Gadzhimirzoev G.I., Fedosina A.V., Kabanova E.E., Stepanenko I.Yu. Prospects for the food industry in Russian regions amid sanctions // Economy, Labor, Management in Agricultural Sector. 2022. No. 11 (93). Pp. 187–196.
3. Ganiev Zh., Baigonushova D. Current state and measures of state support for agriculture in the EAEU countries // Reforma. 2019. No. 4 (84). Pp. 36–45.
4. Nefedova T.G. Geo-economic changes in agro-complex of Russia under the new geopolitical realities // Regionalnie Issledovania. 2022. No. 2 (76). Pp. 4–15.
5. Plotnikov V.A. Food supply: sustainability and security // Teoria I Praktika Servisa: Ekonomika, Sotsialnaya Sfera, Technologii. 2022. No. 4 (54). Pp. 15–19.
6. Popova L.V., Lata M.S., Melikhov P.A., Lazareva V.A. Economic issues of livestock breeding in the context of the development of the regional agro-industrial complex // Estestvenno-gumanitarnie Issledovania. 2022. No. 44 (6). Pp. 251–255.
7. Savvateev E.V., Gadzhimirzoev G.I., Fedosina A.V., Buraev F.V. The Russian food industry and agriculture under sanctions – ways to solve problems and further development // Economy, Labor, Management in Agricultural Sector. 2022. No. 6 (88). Pp. 65–74.
8. Tarasova O.B. Food security of Russia as a complex of interrelated factors // Vestnik Evraziyskoy Nauki. 2022. Vol. 14. No. 2. URL: <https://esj.today/PDF/49ECVN222.pdf>

Prospects of the Russian Agricultural Complex in the Conditions of Sanctions

Elena E. Kabanova – Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Sociological Sciences (Moscow, Russia). E-mail: Kabanovae@list.ru

The article assesses the impact of international sanctions on the domestic agricultural complex. Since the main goal of Western political pressure on Russia is the violation of domestic foreign trade, the paper analyzes the risks of domestic foreign economic activity. The stability of cross-border trade is an essential factor in the development of Russian agriculture in conditions of continuous growth of food exports, accompanied by a significant amount of technological imports. The study noted a high level of dependence on the export of a number of agricultural products and negative aspects of the high level of imports of goods for the needs of the agro-industrial complex.

Statistical indicators of Rosstat, information from the Federal Customs Service and the Ministry of Industry and Trade were used in the analysis. The data presented in the current article may be useful to researchers in the field of statistics of the agro-industrial complex. And also in the development of programs to support domestic agriculture and certain aspects of the food doctrine of Russia.

Key words: agriculture, foreign trade, export, import, import substitution, risks, sanctions.

JEL-codes: Q1, F13.

Финансовый сектор

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В 2022 г.

С. А. ЗУБОВ

В 2022 г. в России сохранялся высокий спрос на недвижимость и услуги банков по предоставлению кредитов на ее покупку. Основным источником развития рынка, как и в течение 2020–2021 гг., остаются программы с господдержкой с относительно невысокими процентными ставками. Вместе с тем в прошедшем году в условиях неудовлетворенного спроса получили развитие совместные схемы банков и застройщиков в виде практически беспроцентных ипотечных кредитов с завышенной стоимостью жилья. Широкое распространение таких продуктов вынуждает ЦБ РФ принять меры по ограничению ипотеки с экстремально низкими процентными ставками, которые планируется реализовать в 2023 г.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, ставки по ипотечным кредитам, льготные ипотечные программы.

JEL: E58, G21, G28.

Совокупный портфель ипотечных жилищных кредитов (ИЖК) на 1 января 2023 г. достиг 13,8 трлн руб. Его прирост за 2022 г. составил 2,0 трлн руб., или 17,5%, что несколько ниже соответствующего показателя за предыдущий год — 2,5 трлн руб., или 26,6%. Несмотря на снижение темпов роста рынка, доля задолженности по ИЖК в совокупной задолженности по кредитам физических лиц расширялась на протяжении всего года и к его концу достигла 51,5% (на конец 2021 г. — 47,5%).

Всего за истекший год было выдано 1,5 млн кредитов общим объемом 4,8 трлн руб. (в 2021 г. — 1,9 млн кредитов объемом 5,7 трлн руб.), т.е. снижение показателя составило 15,6%. Структура выдач кредитов претерпела некоторые изменения: под влиянием продления государственных программ со снижением процентной ставки объемы ипотеки на первичном рынке (ИЖК по договору долевого участия — ДДУ) составили 42,9% от общего объема выдач (в 2021 г. — 33,1%).

Практически все сделки заключались в рублевом сегменте; общий объем предоставленных в 2022 г. ипотечных кредитов в иностранной валюте составил 77 млн руб. В течение года

задолженность по валютным ИЖК сократилась на 8,8 млрд руб. — до 6,7 млрд руб. (менее 0,1% от общего объема портфеля ИЖК). Валютные кредиты будут оставаться невыгодными в силу действия заградительной надбавки к коэффициентам риска (от 200% и выше в зависимости от ПСК¹).

Средний размер ипотечного кредита за год увеличился на 18,6% — до 3,95 млн руб. (на конец 2021 г. — 3,33 млн руб.), чему способствовало повышение стоимости жилья как на первичном (прирост за год на 37,3%), так и на вторичном (23,1%) рынке.

Средневзвешенный срок кредитования увеличился — в декабре он составил 311,3 месяца (годом ранее — 262,8 месяца, т.е. прирост составил 18,5%). Увеличение срока кредита позволяет ослабить ежемесячную долговую нагрузку на заемщиков, снижая тем самым риск невозврата кредита.

К положительной тенденции 2022 г. можно отнести рост сделок секьюритизации. Этот вид операций дает банкам возможность разгрузить балансы и получить дополнительную ликвидность для осуществления кредитования. В 2023 г. объем секьюритизации может

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@ier.ru

¹ ПСК — полная стоимость кредита.

вырасти за счет бумаг с льготной ипотекой в качестве базового актива. Вместе с тем бурный рост секьюритизации ипотечных активов влечет за собой расширение масштабов рынка и гиперактивность банков в сфере ипотечного кредитования, что может приводить к наращиванию объемов портфеля за счет кредитов сомнительного качества. Более того, вторичный рынок ипотечных закладных, учитывая опыт кризиса в США в 2006–2007 гг., может стать потенциальным источником аналогичного кризиса.

Качество кредитного портфеля остается на приемлемом уровне: просроченная задолженность за прошедший год снизилась на 8,4% и на 1 января текущего года составила лишь 0,4% от объема совокупной задолженности по ИЖК (на начало 2022 г. – 0,6%) – это значительно ниже, чем по другим видам банковского кредитования (от 4 до 7%). Доля неработающих кредитов (NPL 90+) также оставалась на минимальном уровне – около 0,7%.

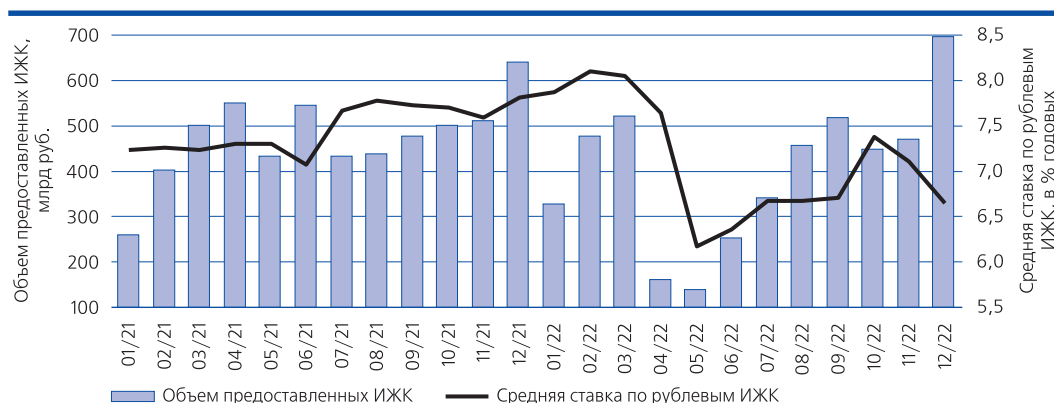
Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам на первичном рынке сократилась до 4,3% годовых, что в целом ниже уровня 2021 г. и было обеспечено смягчением денежно-кредитной политики Центрального банка (снижением ключевой ставки), внедрением партнер-

ских программ крупных застройщиков и банков по ставкам от 0,01 до 2% (ставка субсидируется застройщиком за счет продажи квартиры по более высокой цене) и обновлением льготных ипотечных программ для населения с относительно невысокими ставками. (На рисунке представлена динамика ежемесячных объемов кредитования и процентных ставок по ИЖК в 2021–2022 гг.)

На вторичном рынке наблюдалась противоположная динамика ставок. Однако существенного роста по этому показателю зафиксировано не было: повышение ставок в период обострения геополитического конфликта и введения антироссийских санкций по предлагаемым кредитам вызвало падение объемов выдач. В целом к концу 2022 г. ставка на этом рынке выросла до 9,3% годовых – выше показателя 2021 г. на 1 п.п.

В течение 2022 г. для стимулирования ипотечного кредитования правительством был принят ряд мер, касающихся реформирования государственных льготных программ. В результате планы по сворачиванию льготной ипотеки были пересмотрены, и в конце года льготная ипотека на новостройки была продлена до 1 июля 2024 г. Согласно новым условиям ставка по кредитам повышена с 7 до 8%

Динамика ежемесячных объемов кредитования и процентных ставок на рынке ипотечного жилищного кредитования в 2021–2022 гг.

Источник: Ипотечное жилищное кредитование. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/>

годовых, а сумма кредита по-прежнему ограничена 12 млн руб. для Москвы и Санкт-Петербурга, в остальных регионах – 6 млн руб. (сумму кредита можно увеличить до 30 и 15 млн руб. соответственно, используя другие программы ипотеки), сумма первоначального взноса – 15%. С 2023 г. семейная ипотека стала доступна родителям, имеющим двух и более детей до 18 лет на дату заключения договора. Ставка по программе – 6% годовых.

Одним из главных нововведений стал запуск льготной ипотечной программы по строительству частных жилых домов своими силами (ИЖС) без оформления договора подряда с профессиональными застройщиками. Несмотря на замедление темпов роста ипотечного рынка, ипотека на ИЖС и готовые дома в 2022 г. выросли на 8% к уровню 2021 г.

Еще одним стимулом развития ипотечно-го рынка стало введение ипотечной программы для ИТ-специалистов по ставке 5% годовых с первоначальным взносом не менее 15%. Однако в связи со сложными условиями получения кредита и наличием собственных ипотечных программ ИТ-корпораций данная программа пока не слишком востребована. Всего по итогам 2022 г. в России было предоставлено 5 тыс. таких кредитов на общую сумму 44,79 млрд руб.² В декабре 2022 г. правительство России сократило план по выдаче льготной ипотеки для ИТ-специалистов.

В борьбе за клиента банки разрабатывают новые маркетинговые решения, при этом принимая на себя дополнительные риски. В истекшем году особой популярностью пользовалась программа «ипотека по паспорту». Суть программы в том, что заемщику не нужно подтверждать трудоустройство и уровень дохода. Как правило, она применяется в сделках с готовой недвижимостью. Подобная практика чревата рисками в силу того, что полноценный анализ кредитоспособности клиента не проводится, а это может повлечь за собой не-

адекватную оценку заемщика и возможные проблемы с погашением кредита.

Другое направление, осваиваемое банками, – цифровая ипотека. Внедрение цифровых сервисов в ипотечный процесс позволяет сократить время на его проведение, упростить процедуры оценки, регистрации и страхования недвижимости и оформить получение кредита без посещения офиса банка (при наличии электронной цифровой подписи и биометрических характеристик клиента). Однако в этой связи актуализируются операционные риски – проведение цифровой трансформации может сопровождаться нарушением коммуникации между разработчиками программного обеспечения, специалистами фронт-офиса и лицами, принимающими решения. В ближайшее время Центральному банку, скорее всего, придется принять меры, сдерживающие возможные негативные последствия от поспешной и несистемной цифровизации банковского сектора.

Еще одним трендом 2022 г. стал рост влияния ESG³ на российский банковский сектор. По инициативе Центрального банка предлагается запустить новый вид кредитов на жилье – «зеленую» ипотеку, представляющую собой субсидирование покупки жилья в домах, соответствующих стандартам экологического строительства⁴. Программа может быть опробована на Дальнем Востоке в рамках уже существующей программы государственного субсидирования ипотеки.

По предложению Президента РФ правительство запускает новый инструмент поддержки предприятий промышленности – промышленную ипотеку, в соответствии с которой российские организации смогут получить долгосрочные льготные кредиты на покупку производственной недвижимости. Планируется, что кредиты будут выдаваться на срок до семи лет по льготной ставке 5% годовых, при этом для инновационных технологических

² URL: https://www.kommersant.ru/doc/5864435?from=top_main_1

³ ESG – Environmental, Social, and Corporate Governance (окружающая среда, общество, управление).

⁴ URL: https://lenta.ru/news/2022/09/12/green_ipo/

компаний ставка будет еще ниже — 3%; верхний предел промышленной ипотеки предлагается установить на уровне 500 млн руб.

Более полно раскрыть потенциал российского ипотечного рынка позволит внедрение широкого набора финансовых инструментов, которые сейчас активно разрабатываются ведущими игроками: ипотечные облигации, развитие ипотечных маркетплейсов, внедрение технологии блокчейна и другие продукты и процессы. Внедрение этих инструментов позволит оптимизировать банковские бизнес-процессы, упростить и ускорить оформление кредитных сделок, что выразится в снижении ставок и доступности ипотечных кредитов для широкого круга заемщиков.

В целом ипотека способствует повышению благосостояния населения в результате улучшения жилищных условий, мотивирует граждан на поддержание высоких доходов за счет вступления в долгосрочные кредитные отношения, стимулирует трудовую миграцию. Однако форсировать рост объемов кредитования за счет низких ставок, отмены первоначального взноса, упрощения процедуры выдачи кредита и уменьшения ежемесячных платежей опасно из-за высоких кредитных рисков, накопления дисбалансов, способных привести к образованию ипотечного пузыря. В связи с этим в ближайшее время ЦБ РФ продолжит выстраивать комплексную систему регулирования ипотечного рынка. ■

Mortgage Lending in 2022

Sergey A. Zubov — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@iep.ru

In 2022, Russia maintained a high demand for real estate and the banking services pertaining to the issuance of housing (mortgage) loans. The main driver of market development, just as it was during the period 2020–2021, remained the government-funded mortgage programs offering relatively low interest rates. At the same time, over the course of last year, in the situation of unsatisfied demand, there emerged joint schemes of banks and real estate developers in the form of almost interest-free mortgage loans to finance the purchase of an overpriced home. The widespread use of such products has forced the RF Central Bank to resort to constraining measures against mortgage loans with extremely low interest rates, which it plans to implement in 2023.

Key words: mortgage lending, subsidized mortgage programs, mortgage lending market overheating.

JEL-codes: E58, G21, G28.

Налогообложение

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ РАЗМЕРА СКИДКИ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ МАРКИ URALS К МАРКЕ BRENT

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

Приняты поправки к Налоговому кодексу РФ, которые с 1 апреля 2023 г. ограничат дисконт на российскую нефть марки Urals по отношению к North Sea Dated¹ для расчета нефтяных налогов. По нашим оценкам, изменение может принести в бюджет в 2023 г. дополнительно около 640 млрд руб. Однако механизм, заложенный в поправки, содержит риск возникновения «ручного» регулирования параметров налогообложения в нефтяной отрасли при резком изменении стоимости нефти на мировом рынке.

Ключевые слова: нефть марки Urals, нефть марки Brent, Налоговый кодекс РФ.

JEL: H24, L71, Q41.

Согласование «потолка цен» на нефть между странами ЕС в октябре 2022 г. привело к еще большему росту скидки цены на нефть марки Urals к марке Brent. (См. рисунок.) На рисунке видно, что до февраля 2022 г. скидка в среднем составляла 1,5–2,0 долл./барр., а к концу 2022 г. — 35 долл./барр.

Согласно действующей редакции Налогового кодекса РФ² для расчетов налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), налога на дополнительный доход (НДД), акциза на нефтяное сырье, демпфера используется средний за налоговый период уровень цен нефти сорта Urals на мировых рынках нефтяного сырья, в частности на средиземноморском и роттердамском. С 2013 г. это котировки агентства Argus, которое рассматривает поставки до портов Аугусты (Италия) и Роттердама (Нидер-

ланды). Котировки включали издержки на транспортировку (фрахт, страхование, финансирование, т.е. базис CIF — Cost, Insurance, and Freight), которые закладывались в цену нефти для исчисления налогов. После 5 декабря 2022 г. агентство Argus изменило методику: сохранило котировку CIF, но сделало ее расчетной на основании стоимости Urals на базисах поставки FOB (Free On Board) через порты Приморск, Усть-Луга и Новороссийск, к которой прибавляются затраты на доставку в европейские порты (цена фрахта, портовых сборов, страховки груза). Этот показатель сейчас сильно искажен в связи с выстраиванием новых логистических цепочек и резким удлинением транспортного плеча для нефти Urals, поставляемой из портов на западе России до новых рынков сбыта в азиатском регионе³. Исполь-

Каукин Андрей Сергеевич, и.о. руководителя Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

¹ Argus North Sea Dated — бенчмарк легкой североморской нефти, который включает стоимость сортов Brent, Forties, Oseberg, Ekofisk, Troll.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. вступил в силу 01.02.2023).

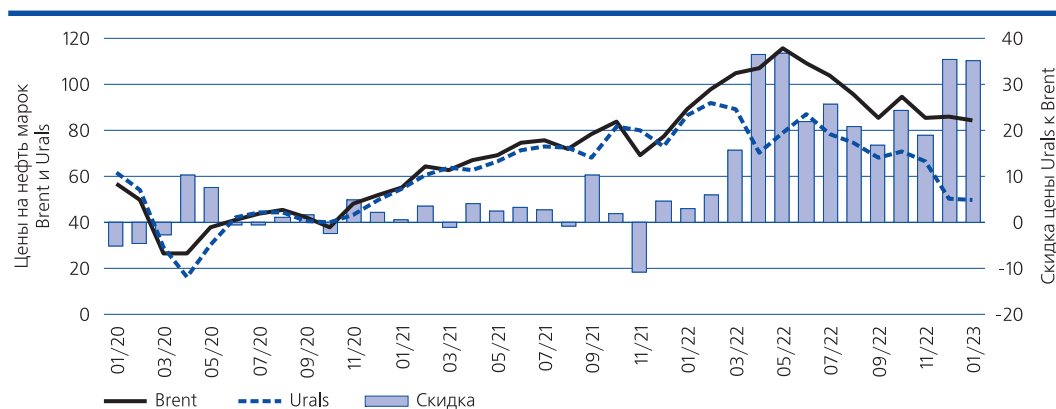
³ Стоимость физических партий нефти определяется по котировкам ценовых агентств (Platts, Argus и Reuters) на соответствующих базисах (пунктах отгрузки) на основе открытых данных, итогов тендеров, а также закрытых опросов участников сделок (сотрудников трейдинговых подразделений нефтяных компаний и самостоятельных трейдеров). Сделки с Urals в результате санкций стали почти полностью закрытыми — тендеры больше не проводятся, спотовый рынок этого сорта исчез, европейские трейдеры в операциях участвуют мало, а российские компании не раскрывают условия продажи своей нефти в Азию.

зование таких котировок приводило к выпадению значительной части доходов бюджета: по оценкам Минфина России, за январь 2023 г. потери составили 160 млрд руб., поэтому 23 февраля 2023 г. были приняты поправки к Налоговому кодексу РФ⁴, которые с 1 апреля 2023 г. ограничат дисконт на российскую нефть марки Urals по отношению к North Sea Dated для расчета нефтяных налогов.

Закон предусматривает уточнение значения среднего уровня цены на нефть сорта Urals на мировых рынках в целях расчета НДС при добыче нефти, НДС от добычи углеводородного сырья и акциза на нефтяное сырье⁵, а также уточнение средней цены экспортной альтернативы для автомобильного бензина клас-

са 5 и дизельного топлива класса 5 в целях расчета демпфирующей составляющей налогового вычета сумм акциза на нефтяное сырье⁶. По оценкам Минфина, применение нового порядка расчета цены на нефть для целей налогообложения принесет бюджету в 2023 г. около 600 млрд руб. (за счет дополнительных поступлений от НДС, НДС) [1]. Фиксация скидки Urals к Brent скажется и на поступлениях в бюджет от экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты, которые в рамках завершающегося налогового маневра продолжают действовать до конца 2023 г. (имеют в формуле расчета среднюю цену на нефть марки Urals)⁷. По нашим оценкам, фиксация скидки Urals к Brent при расчете экспортных пошлин на нефть

Динамика среднемесячных цен на нефть марок Brent и Urals и скидки цены Urals к Brent, долл./барр.

Источник: Минфин России, «Финам».

⁴ Федеральный закон от 23.02.2023 г. № 36-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Закон).

⁵ Изменения касаются расчета коэффициента, характеризующего динамику мировых цен на нефть, – K_d (см.: НК, ч. 2, ст. 342, п. 3).

⁶ Законом предусмотрена корректировка формулы расчета демпфирующих надбавок за поставку на внутренний рынок бензина и дизельного топлива. Ценовой дифференциал для расчета демпфера на бензин увеличивается, а также вводится ценовой дифференциал при расчете демпфера по дизельному топливу, что должно привести к уменьшению бюджетных трат на выплату нефтяным компаниям по демпферу. Согласно новой формуле:

1) с 1 апреля 2023 г. будет повышено максимальное значение понижительного коэффициента (дисконта в цене Urals относительно Brent), используемого для расчета индикативной экспортной цены бензина, со 146 до 182,5 долл./т (или с 20 до 25 долл./барр.);

2) также будет введен аналогичный понижительный коэффициент для расчета индикативной экспортной цены дизельного топлива при ограничении его на уровне 73 долл./т (или 10 долл./барр.).

Стоит отметить, что данная составляющая изменяет расчет НДС и НДС, так как включена в расчет вычета, связанного с изменением параметров демпфирующей надбавки.

⁷ Закон РФ от 21.05.1993 г. № 5003-1 (ред. от 19.12.2022) «О таможенном тарифе».

и нефтепродукты принесет дополнительно в государственный бюджет около 40 млрд руб.⁸. Кроме того, в расчетах не учитывается возможный рост цен на розничном рынке в связи с перечисленными изменениями. По нашим расчетам, он составит в апреле 2023 г., сразу после вступления поправок в силу, 5% к январю 2023 г., а в июле 2023 г. — 8%, когда скидка составит 25 долл./барр. и перестанет сокращаться.

Несмотря на ожидаемые дополнительные поступления в бюджет, поправки, внесенные в Закон, содержат ряд рисков, которые могут сказаться, в том числе, и на фактических налоговых сборах:

- во-первых, скидка на цену нефти марки Urals к Brent является фиксированной величиной, что может привести к перекосам при резком изменении стоимости нефти; это, в свою очередь, станет причиной перехода к «ручной» донастройке парамет-

ров нового механизма, т.е. изменению условий ведения бизнеса в нефтяной отрасли. Подобные прецеденты уже имели место при неоднократном пересмотре параметров демпфирующего механизма в обратном акцизе на нефтяное сырье;

- во-вторых, изменения, увеличивающие налоговую нагрузку, могут привести к сокращению объемов добычи и, соответственно, к выпадению доходов из бюджетов регионов, на территории которых осуществляется операционная деятельность нефтяных компаний (через снижение выплат по налогу на прибыль, который зачисляется, в том числе, и в региональные бюджеты);
- в-третьих, рост налогов приведет к увеличению издержек нефтяных компаний, что может сказаться на розничных ценах на моторное топливо и возможной корректировке демпфирующего механизма [2]. ■

Литература

1. Деготькова И., Дзядко Т. Минфин оценил выигрыш бюджета от новой формулы цены на нефть // РБК. 14.02.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2023/63eba83b9a794725db7b718d/>
2. Каукин А.С., Миллер Е.М. Налоговый маневр в нефтяной отрасли: риски «ручного регулирования» // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 7. С. 87–92.

References

1. Degotkova I., Dzyadko T. The Ministry of Finance estimated the budget gain from the new formula for oil prices // RBC. 14.02.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2023/63eba83b9a794725db7b718d/>
2. Kaukin A.S., Miller E.M. Tax Maneuver in the Oil Sector: Risks of «Manual Control» // Russian Economic Development. 2019. Vol. 26. No. 7. Pp. 87–92.

Legislative Cap on Urals Oil Price Discount to Brent Oil

Andrey S. Kaukin — Acting Head of the Scientific Direction «Real sector» of the Gaidar Institute for Economic Policy; Head of Department for System Analysis of Sectorial Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kaukin@ranepa.ru

Eugenia M. Miller — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

⁸ В качестве прогнозных показателей объема экспорта нефти и нефтепродуктов по типам моторного топлива на 2023 г. брались фактические данные за 2022 г.

Средняя цена на нефть марки Brent в 2023 г. предполагается равной значению за январь 2023 г. — 84,49 долл./барр., Urals — 49,8 долл./барр. Средний валютный курс в 2023 г. предполагается равным значению за январь 2023 г. — 69,23 руб./долл.

The approved tax code amendments will cap a discount on Urals oil price to North Sea Dated⁹ for the calculation of oil taxes. By our estimates, amendments may bring an additional of around Rb640bn into the budget in 2023. However, the mechanism incorporated in the amendments entails the risk of a «manual» regulation of taxation parameters in the oil industry in case of a dramatic change in prices for oil on the global market.

Key words: Urals crude oil, Brent crude oil, Tax Code of the Russian Federation.

JEL-codes: H24, L71, Q41.

⁹ Argus North Sea Dated is a benchmark of light North Sea oil which includes the following sorts: Brent, Forties, Oseberg, Ekofisk and Troll.

Регионы

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ В 2022 г.

А. Н. ДЕРЮГИН

2022 г. стал переломным с точки зрения динамики налоговых и неналоговых доходов консолидированных региональных бюджетов: если в первой половине года она выглядела вполне удовлетворительно и рост бюджетных доходов существенно опережал уровень инфляции, то к концу года рост прекратился, а снижение поступлений налога на прибыль, усугубленное его частичными возвратами налогоплательщикам, значительно повысило риск формирования отрицательных доходов бюджетов ряда регионов в отдельные месяцы.

В 2023 г. без дополнительной финансовой помощи из федерального бюджета бюджеты подавляющего большинства субъектов РФ окажутся несбалансированными, что может привести к росту общего объема регионального долга и уровня долговой нагрузки регионов.

Ключевые слова: бюджеты регионов, доходы бюджетов регионов, расходы региональных бюджетов, межбюджетные трансферты, региональный долг.

JEL: H61, H62, H63, H71, H72, H74, H77.

Доходы

В 2022 г. общий объем доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации¹ составил 19,67 трлн руб. — на 12,1% выше значения этого показателя за 2021 г. и немного выше уровня годовой инфляции². Эти показатели были достигнуты в основном за счет роста налоговых и неналоговых доходов регионов (+13,0%), объем которых составил 15,43 трлн руб. Несколько медленнее росли безвозмездные поступления от других бюджетов (+6,7%, 3,92 трлн руб.).

В целом за 2022 г. основные налоговые доходы региональных и местных бюджетов демонстрировали достаточно схожую динамику: налог на доходы физических лиц (+16,4%), акцизы (+17,5%), налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения (+23,6%), налог на имущество организаций (+16,6%). Более высокими темпами росли неналоговые доходы (+29,0%). Положительные темпы роста безвозмездных

поступлений от других бюджетов были обеспечены исключительно за счет субсидий (+47,3%), в то время как остальные виды межбюджетных трансфертов — дотации (-0,2%), субвенции (-17,5%) и иные межбюджетные трансферты (-14,6%) — показали отрицательную динамику.

Хорошие показатели поступлений бюджетных доходов за 2022 г. были сформированы за счет высоких темпов роста в первом полугодии (+24,8%), в то время как во втором полугодии 2022 г. доходы увеличились всего на 2,7%, а в четвертом квартале они уже не росли (0,0%). Такая динамика была характерна не только для налоговых и неналоговых доходов (26,8% в первом полугодии 2022 г., +2,2% — во втором и -1,2% — в четвертом квартале), но и для трансфертов (+14,1, +2,1 и -0,3% соответственно).

Наиболее резкое изменение в течение 2022 г. демонстрировал налог на прибыль организаций: его прирост (+45,7%) по итогам первого полугодия сменился снижением по

Дерюгин Александр Николаевич, и.о. заведующего лабораторией бюджетной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: derjugin@gaipera.ru

¹ В целях обеспечения сопоставимости результатов расчетов информация по показателям консолидированных бюджетов субъектов РФ не включает данные по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям, а также г. Байконур. При этом учитываются данные по федеральной территории «Сириус».

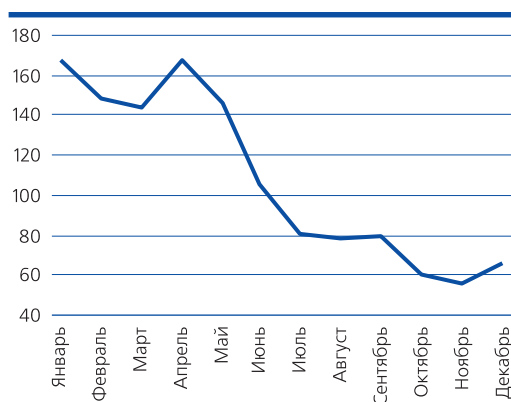
² В декабре 2022 г. по отношению к декабрю 2021 г. индекс потребительских цен составил 111,94%.

итогах второго полугодия (-30,7%) и четвертого квартала (-39,8%) (См. рис. 1.) У динамики других налоговых доходов консолидированных бюджетов регионов в течение 2022 г. не наблюдалось столь заметных изменений, а неналоговые доходы, хотя и остались в положительной зоне, серьезно сбавили темпы роста (44,4% в первом полугодии 2022 г., +19,6% – во втором полугодии и +18,3% – в четвертом квартале).

Изменение динамики объема основных доходных источников региональных и местных бюджетов сказалось на общей картине в региональном разрезе. Так, по итогам первого полугодия 2022 г. отрицательные темпы роста бюджетных доходов наблюдались только в Калининградской области (-4,6%), но уже к концу года число таких субъектов РФ выросло до 12, а «лидером» по сокращению доходов консолидированного бюджета стала Липецкая область (-12,8%).

Во втором полугодии 2022 г. сокращение объемов поступлений затронуло 26 субъектов РФ (максимальный показатель – -38,9% – в Тюменской области), а в четвертом квартале –

Рис. 1. Темпы роста налога на прибыль организаций в консолидированных бюджетах субъектов РФ в 2022 г., в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: рассчитано автором по данным Федерального казначейства.

33 субъекта, у 5 из которых оно превысило 30% (Тюменская область (-48,89%), Красноярский край (-39,2%), Мурманская область (-33,2%), Республика Хакасия (-32,3%), Кемеровская область–Кузбасс (-30,4%)). Основной причиной такого сокращения стал налог на прибыль организаций, сальдированный объем поступлений которого в некоторые месяцы четвертого квартала в бюджеты отдельных регионов стал принимать отрицательные значения (Республика Калмыкия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ–Югра, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Чукотский автономный округ). В последнем квартале года лишь у 17 регионов бюджетные доходы росли быстрее темпов инфляции.

Наибольший прирост доходов консолидированного бюджета в 2022 г. показали Сахалинская область (+51,0%), Ямало-Ненецкий автономный округ (+37,8%) и Санкт-Петербург (+37,7%), в которых основным источником роста стал налог на прибыль организаций.

Учитывая негативную динамику поступлений налога на прибыль организаций, особенно сильно проявившуюся в четвертом квартале 2022 г., а также сохранение неблагоприятных тенденций в экономике, в 2023 г. можно ожидать более частого применения практики возврата из региональных бюджетов излишне уплаченных сумм налога на прибыль организаций, дальнейшего снижения общих объемов его поступлений, а также, как минимум, замедления темпов роста других налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов регионов. Без дополнительной финансовой помощи из федерального бюджета темпы роста доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ могут оказаться в отрицательной зоне.

Расходы

По итогам 2022 г. расходы консолидированных бюджетов регионов составили 19,62 трлн руб., увеличившись по отношению к соответствующему показателю 2021 г. на 16,2%, что

выше и уровня инфляции, и темпов роста бюджетных доходов.

Лидерами роста стали расходы на национальную экономику (+27,5%), включая транспорт (+22,6%) и дорожное хозяйство (+30,3%), ЖКХ (+20,6%), общее образование (+20,7%), а также физическую культуру и спорт (+25,5%). Несколько медленнее увеличивались расходы на общегосударственные вопросы (+15,6%), дошкольное образование (+9,7%), культуру и кинематографию (+16,6%) и социальную политику (+9,6%), включая социальное обеспечение (+6,7%) и охрану семьи и детства (+14,0%). Расходы на здравоохранение (-3,7%), как и расходы на обслуживание государственного и муниципального долга (-18,9%), показали отрицательную динамику. В первом случае это было связано с частичным сворачиванием антиковидных мероприятий, а во втором – с замещением бюджетными кредитами коммерческого долга. В целом в 2022 г. было отмечено некоторое смещение структуры расходов консолидированных бюджетов регионов в сторону инвестиционных расходов.

В 2022 г. расходы консолидированных бюджетов выросли в 84 субъектах РФ, а в 62 из них

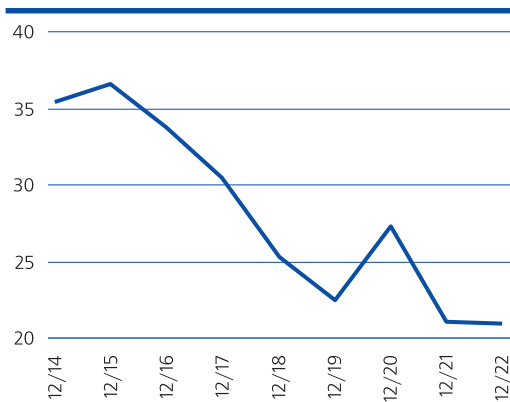
рост превысил инфляцию за аналогичный период. Единственным регионом, в котором сократились бюджетные расходы, стала Удмуртская Республика (-0,3%), что объяснялось необходимостью их сдерживания ввиду наибольшего среди всех субъектов Российской Федерации уровня долговой нагрузки. Лидерами роста бюджетных расходов стали относительно обеспеченные регионы: Республика Татарстан (+32,5%), Ямало-Ненецкий автономный округ (+31,9%), Санкт-Петербург (+30,8%), Белгородская (+29,6%) и Самарская (+28,8%) области.

Сбалансированность региональных бюджетов и государственный долг

В 2022 г. профицит консолидированного регионального бюджета наблюдался у 50 субъектов РФ и у федеральной территории «Сириус», а его общий объем составил 50,59 млрд руб., или 0,3% общего объема доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ без учета субвенций.

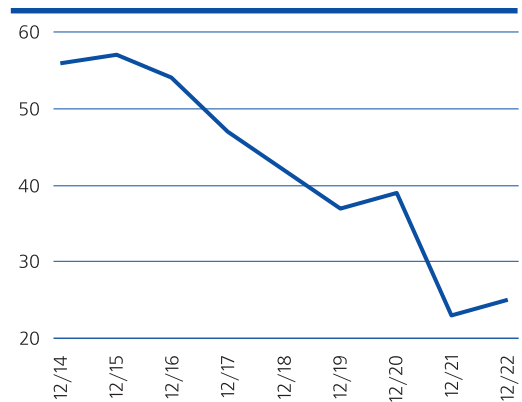
Общий объем государственного долга субъектов РФ по состоянию на 1 января 2023 г. составил 2,79 трлн руб., увеличившись за год на 12,7%. Общий объем долга был полностью

Рис. 2. Долговая нагрузка субъектов РФ, в %

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России и Федерального казначейства.

Рис. 3. Число субъектов РФ с уровнем долговой нагрузки выше 50%

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России и Федерального казначейства.

компенсирован ростом налоговых и неналоговых доходов собственно региональных бюджетов (+13,2%), что позволило не допустить увеличения их долговой нагрузки³, размер которой даже немного сократился, достигнув минимального для конца года за период 2014–2022 гг. уровня в 20,9%. (См. рис. 2.)

Число регионов с долговой нагрузкой выше 50% увеличилось за год с 23 до 25, но продолжает оставаться на приемлемом уровне. (См. рис. 3.)

Высокий уровень государственного долга, превышающий 100% объема налоговых и неналоговых доходов региона, сохраняется только у Удмуртской Республики (104,0%), что, учитывая усилия региональных властей по контролю за бюджетными расходами, не представляет большой проблемы.

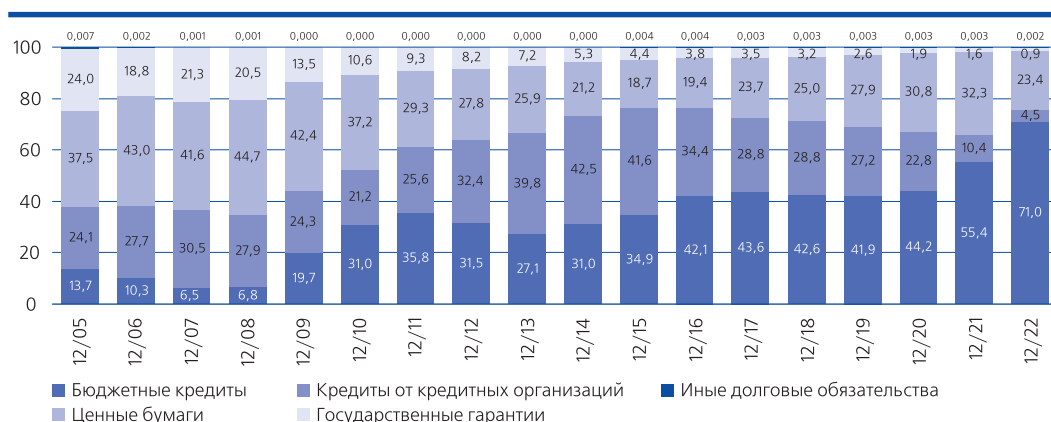
В целом за 2022 г. государственный долг вырос у 74 субъектов РФ, а долговая нагрузка – у 48.

Благодаря мерам Минфина России по замещению бюджетными кредитами дорогих в

обслуживании кредитов кредитных организаций и государственных ценных бумаг субъектов РФ доля кредитов кредитных организаций в структуре госдолга за 2022 г. сократилась с 10,4 до 4,5%, доля ценных бумаг – с 32,3 до 23,4%, а доля бюджетных кредитов выросла с 55,4 до 71,0%. (См. рис. 4.)

Таким образом, в 2022 г. с помощью федерального центра регионам удалось сохранить безопасный уровень долговой нагрузки. Вместе с тем, учитывая наметившиеся во второй половине 2022 г. тенденции к существенному сокращению поступлений налога на прибыль организаций, а также отсутствие перспектив сохранения относительно высоких темпов роста поступлений других налогов и неналоговых доходов, можно предполагать, что без дополнительной финансовой помощи из федерального бюджета бюджеты подавляющего большинства регионов в 2023 г. окажутся несбалансированными, что приведет как к росту общего объема регионального долга, так и уровня долговой нагрузки. ■

Рис. 4. Структура государственного долга субъектов РФ, в % к итогу

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России.

³ Размер долговой нагрузки субъекта Российской Федерации определяется как отношение объема государственного долга региона к объему налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета.

Regional Budgets in 2022

Alexander N. Deryugin – Acting Head of Department for Budget Policy of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: deryugin@ranepa.ru

The year 2022 was a critical one in terms of the dynamics of tax and non-tax revenues of the consolidated regional budgets: while in the first half of the year it looked quite satisfactory and the growth of budget revenues significantly outpaced the inflation rate, by the end of the year the growth halted and the decline of profit tax revenues, exacerbated by its partial refunds to taxpayers, significantly raised the risk of formation of negative budget revenues in some regions in some months. In 2023, without additional financial assistance from the federal budget, the budgets of the overwhelming majority of regions will be unbalanced, which may lead to an increase in the total volume of regional debt and the amount of debt burden.

Key words: regions' budgets, revenues of regional budgets, expenditures of regional budgets, intergovernmental fiscal transfers, regional debt.

JEL-codes: H61, H62, H63, H71, H72, H74, H77.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru>

Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник отдела – Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karyasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru>

E-mail address: EDR-journal@iep.ru

Founder: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor). Registration Certificate PI № FS77-46259 from 17.08.11

Publishing Department: Head of Department – Nina Glavatskaya, phone: +7 (495) 629-43-21